

Дойл А. К.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
Сэр Найджел Лоринг

Артур Конан Дойл. Собрание сочинений

Артур Конан Дойл
Сэр Найджел Лоринг

«Алгоритм»

1906

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Дойл А.

Сэр Найджел Лоринг / А. Дойл — «Алгоритм», 1906 — (Артур Конан Дойл. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02950-9

Артур Конан Дойл (1859–1930) – всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе. В данный том вошел исторический роман «Сэр Найджел Лоринг».

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02950-9

© Дойл А., 1906
© Алгоритм, 1906

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	22
Глава V	30
Глава VI	39
Глава VII	45
Глава VIII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Артур Конан Дойл Сэр Найджел Лоринг

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

* * *

Глава I

Дом Лорингов

В июле месяце 1348 года, между днями св. Венедикта и св. Свити́на, Англию поразило странное бедствие: на востоке вдруг появилась безобразная зловещая багровая туча и стала медленными клубами наползать на притихшее небо. В тени этой невиданной тучи увядала листва, замолкали птицы, а коровы и овцы жались к изгородям. На землю пала тьма, толпы людей молча стояли, впери́в глаза в тучу, и сердца их наливались тяжестью. Народ с трепетом собирался в церквах, и там дрожащую толпу исповедовали и благословляли дрожащие священники. А за стенами церкви больше не порхали птицы, не слышалось лесных шорохов и обычного многоголосья природы. Все затихло и застыло, одна только огромная туча ползла, как чудовищный вал, над черным горизонтом. На западе еще виднелось ясное небо, с востока же неспешно надвигалась эта облачная громада, пока наконец не исчез последний голубой просвет и весь небосвод не превратился в сплошной свинцово-серый купол.

Потом начался дождь. Он лил весь день и всю ночь, лил целую неделю и целый месяц, пока люди не позабыли, что такое синее небо и солнечный свет. Дождь был не сильный, но холодный, и лил, не переставая ни на миг. Людей изводил его непрестанный шорох и плеск струй, стекающих с кровли. И все время по небу, сея влагу, ползла с востока на запад эта разбухшая зловещая туча. Сквозь водную пелену, гонимую ветром, ничего нельзя было разглядеть уже в двух шагах от жилья. По утрам все первым делом задирали голову – не появится ли где просвет, но взгляд встречал все ту же бесконечную тучу, и, наконец, люди перестали смотреть на небо, и сердца их переполнились отчаянием, оттого что всему этому не было конца. Дождь шел и на св. Петра, и на Рождество Богородицы, и в Михайлов день. Хлеба и сено промокли, почернели и погнили прямо на полях, потому что убирать их не стоило труда. Потом пали овцы и телята, и к св. Мартину на убой и зимнюю засолку не осталось почти никакой скотины. Народ боялся грядущего голода. Но то, что ожидало его, было куда страшнее.

Дождь наконец перестал, и хилые лучи осеннего солнца осветили вязкую жижу, в которую превратилась земля. Мокрые листья гнили, испуская зловоние, под пологом мерзостного тумана, который поднялся над лесом. Поля покрылись отвратительными грибами – раньше таких никто не видывал – огромными, багрово-лиловыми, коричневыми и черными. Казалось, на теле больной земли высыпали гнойные прыщи; стены домов покрылись плесенью и лишайником, и сразу вслед за этой отвратительной порослью на раскисшей земле взошла Смерть. Люди стали умирать: мужчины, женщины и дети; бароны в своих замках и свободные крестьяне на своих подворьях; монахи в монастырях и крепостные в лачугах. Все вдыхали одни и те же гнилостные испаренья, и все умирали одной и той же смертью – заживо разлагаясь. Никто из пораженных этой болезнью не выздоравливал. Болели все одинаково: на теле появлялись огромные нарывы, человек впадал в бред, кожа его покрывалась черными пятнами, от них-то и пошло название болезни – черная смерть. Всю зиму разлагающиеся трупы лежали на обочинах дорог, хоронить их было некому. Во многих деревнях не осталось ни души. Но вот пришла весна, а с ней солнце, здоровье и радость. Это была самая зеленая, самая прекрасная и ласковая весна, которую когда-либо знала Англия. Но увидела ее только половина народа – другую смела с лица земли та огромная багровая туча.

И все же именно в это время, в мутном потоке смертей, в гнилостных испарениях, рождалась новая Англия, более прекрасная и свободная.

Тогда, в эти мрачные часы, забрезжил первый проблеск новой зари: только такое страшное потрясение, разом изменившее всю жизнь, могло вырвать народ из железных цепей феодализма, сковавших его по рукам и ногам. Из смертного мрака выходила новая страна. Под

косой смерти полегли, как скошенная трава, бароны. Уберечь от этой угрюмой простолоудинки, разившей всех без разбора, не могли ни высокие башни, ни глубокие рвы. Деспотические порядки смягчились, они уже не могли больше ужесточиться. Земледелец не желал дальше оставаться рабом. Он сбросил оковы. Дела было слишком много, а людей слишком мало. Поэтому тем немногим, кто остался в живых, предопределено было стать свободными: свободно продавать свой труд, наниматься к кому пожелают. И именно черная смерть расчистила путь для великого восстания¹, которое началось тридцать лет спустя и сделало английского крестьянина самым свободным крестьянином в Европе.

Но таких, кто смотрел далеко в будущее и видел, что из зла, как это всегда бывает, произрастает добро, было очень мало. Покамест же в каждой семье царили нищета и горе. В одночасье пересохли все источники благоденствия: пал скот, погиб урожай, земли лежали непаханные. Богачи стали бедняками, а те, кто и раньше был беден, особенно бедняки из благородных, оказались и вовсе в безвыходном положении. По всей Англии разорилось мелкое дворянство, которое не знало иного ремесла, кроме войны, и потому жило за счет чужого труда. Для многих поместий наступили черные дни, но хуже всего пришлось Тилфорду, поместью, которым владели уже несколько поколений благородной семьи Лорингов.

В былые времена Лорингам принадлежали все земли от Северных холмов до Френшемских озер, а их мрачный замок, вздымавшийся над зелеными лугами на берегах реки Уэй, был самой неприступной крепостью меж Гилдфордом на востоке и Уинчестером на западе. Но потом пришла война баронов², король превратил своих саксонских подданных в кнут для укрощения норманнских баронов, и замок Лорингов, подобно многим другим, был стерт с лица земли. С той поры Лоринги, потеряв большую часть своих поместий, жили в доме, который был вдовой частью, имея самое необходимое, но лишенные былой роскоши.

Потом началась их тяжба с Уэверлийским аббатством, когда цистерцианцы³ предъявили притязания на их лучшие земли и феодальные права на все остальное. Великая тяжба тянулась много лет, а когда кончилась, это богатейшее поместье поделили между собой церковники и законники. Но старый господский дом сохранился, и в каждом поколении его обитателей рождался воин, с честью носивший свое имя: пять алых роз на его серебряном щите всегда были там, где им и надлежало быть, – впереди. В часовенке, где отец Мэтью каждое утро служил мессу, было двенадцать бронзовых фигур – воинов из рода Лорингов. Двое лежали скрестив ноги, как положено крестоносцам. Шестеро попирали ногами львов – они пали в битве. И только возле четверых были изображения их собак – в знак того, что они почили в мире.

Из всего этого славного, но разоренного рода, разоренного дважды – правосудием и чумой, в 1349 году в живых оставалось только два человека – леди Эрментруда Лоринг и ее внук Найджел. Муж леди Эрментруды пал от руки шотландского копейщика в битве при Стерлинге, а сын ее Юстас, отец Найджела, умер славной смертью за десять лет до начала нашего повествования на борту норманнской галеры в битве при Слэйсе⁴. Одинокая старая леди, ожесточившаяся и погруженная в скорбь, сидела, как сокол в клетке, у себя в комнате и была добра только к мальчику, которого вырастила. Дарованная ей природой любовь и нежность, так глубоко упрятанная от постороннего глаза, что никто не мог даже заподозрить в ней подобных чувств, изливалась на Найджела. Она не отпускала его от себя, а он, исполненный уважения

¹ Восстание Уота Тайлера (1381 г.) – *Здесь и далее примеч. пер.*

² *Война баронов* – восстание англо-французских феодалов под предводительством Симона де Монфора-младшего в 60-х годах XIII века против короля Англии Генриха III (1227–1272), окончившееся поражением последнего при Льюисе 24 июня 1265 г.

³ *Цистерцианцы* – монашеский орден, ветвь бенедиктинского ордена. В основу монашеской жизни легло строгое исполнение бенедиктинского устава.

⁴ *Битва при Слэйсе* – победа английского флота над французским в 1330 г. при короле Эдуарде III (1327–1377) у прибрежного тогда города Слэйса (нынешние Нидерланды).

к авторитету старших, как того требовали обычаи времени, никуда не отлучался, не получив ее согласия и благословения.

Поэтому Найджел, у которого было львиное сердце, а в жилах бурлила кровь многих поколений воинов, в свои двадцать два года все еще влачил тоскливые дни в поместье, натаскивая соколов и собак, которые делили со своими хозяевами большой зал с земляным полом. Старая леди Эрментруда видела, что день ото дня внук мужает и набирается силы и, хотя он не вышел ростом, мышцы его тверды как сталь, а душа пылает огнем. Со всех сторон – от гилдфордского кастеляна, с фарнемского турнирного поля – до нее доходили толки о его дерзкой удали и смелости, о том, как он бесстрашен в скачке и как мастерски владеет оружием. И все же она, потерявшая мужа и сына, не могла смириться с мыслью, что и этот мальчик, единственный потомок Лорингов, последний отпрыск такого славного старого древа, разделит их участь. С тяжелым сердцем, но с улыбкой на устах проводил он свои монотонные дни, пока она под разными предлогами оттягивала страшный миг, то до той поры, пока урожаи не станут богаче, то пока монахи из Уэверли не вернут им отнятые земли, то пока не умрет его дядя и не оставит ему денег на снаряжение, словом, под любым предлогом, какой мог удержать внука возле нее.

И правду сказать, Тилфорду никак было не обойтись без мужчины, потому что распри с аббатством так и не прекращались, и монахи до сих пор то и дело пытались отхватить то один, то другой кусок земли своих соседей. Над излучиной реки, за зелеными лугами поднималась невысокая квадратная башня и высокие серые стены мрачного монастыря. Колокола его не умолкали ни днем, ни ночью, грозя маленькой семье новыми бедами.

В сердце этого огромного цистерцианского монастыря и зародилась наша хроника, повествующая о распре между монахами и домом Лорингов со всеми последующими событиями, вплоть до прибытия Чандоса⁵, о пресловутой схватке копейщиков на Тилфордском мосту и о подвигах, которые принесли Найджелу воинскую славу...

Давайте вернемся вместе в прошлое и взглянем на зеленую сцену Англии. Декорации на ней те же, что и в наше время: холмы, равнины и реки; актеры же, хотя во многом тоже похожи на нас, но многим отличаются – мысли, поступки у них иные, и кажутся они обитателями не нашего мира.

⁵ Чан до с Джон (?—1370) – известный английский полководец времен Столетней войны.

Глава II

Как Уэверли посетил дьявол

Было первое мая, праздник святых апостолов Филиппа и Иакова. Шел 1349 год со дня пришествия Спасителя.

Время с трех часов до шести, а потом с шести до девяти преподобный отец Джон, настоятель монастыря Уэверли, проводил у себя в покоях, занимаясь соответственно своему высокому званию многочисленными важными делами. На много миль во все стороны простирались тучные земли процветающего монастыря, и он был их полновластным хозяином. В центре усадьбы размещались обширные здания аббатства: церковь, кельи, странноприимный дом, зал капитула и трапезная, и повсюду кипела жизнь. В открытое окно доносились приглушенные голоса братьев, которые прогуливались внизу под аркадами, ведя благочестивые беседы. Из монастыря, то усиливаясь, то затухая, доносились григорианские песнопения – там регент старательно занимался с хором, а внизу, в зале капитула, брат Петр скрипучим голосом втолковывал послушникам устав св. Бернара.

Аббат Джон встал и потянулся. Потом выглянул наружу и осмотрел зеленую лужайку и изящные ряды готических арок крытой галереи, по которой в черно-белых одеждах прогуливалась братия. Монахи медленно ходили парами по кругу, низко склонив голову. Несколько человек, кто поусерднее, вынесли из библиотеки фолианты и сидели на солнце, разложив перед собой дощечки с красками и стопки тонких, полупрозрачных листков золота. Опустив плечи, они низко склонялись над белым пергаментом. Там же сидел и гравер по меди со своими резцами. Правда, в отличие от основного ордена бенедиктинцев занятия искусствами и науками не были в обычае цистерцианцев, но вся библиотека Уэверли хранила много драгоценных манускриптов, которыми занимались благочестивые ученые братья.

Славились, однако, цистерцианцы не учеными трудами, а земледельчеством. По монастырскому двору то и дело проходили монахи с грязными мотыгами и лопатами, в рясах, подоткнутых до самых колен, загорелые, только-только с полей или из садов. Тучные длиннорунные овцы на буйной зелени заливных лугов, пашни, отвоеванные у вересковых пустошей и зарослей папоротника, виноградники, спускавшиеся с южного склона Круксберийского холма, рыбные садки в Хэнкли, огороды на осушенных Френшемских болотах, просторные голубятни – вот что окружало огромный монастырь и без слов говорило об упорных, тяжелых трудах ордена.

На полном румянном лице аббата заиграла довольная улыбка, когда он обвел взглядом свое обширное, но прекрасно налаженное хозяйство. Как и всякий глава процветающего монастыря, преподобный Джон, уже четвертый носивший это имя, был человеком разносторонне образованным. При помощи им самим изобретенных методов ему приходилось управлять немалым хозяйством, а заодно поддерживать порядок и благочиние среди большого сообщества людей, давших обет безбрачия. От тех, кто стоял ступенью ниже, он требовал жесткой дисциплины, в сношениях со стоявшими выше был тонким дипломатом. Он вступал в ожесточенные споры с соседними монастырями и лордами, с епископами и папскими легатами, а при случае и с самим его величеством королем. Положение обязывало его знать очень многое и разрешать самые разные споры о самых разных вещах: о философии и лесным хозяйстве, о земледелии, об осушении болот, о феодальных законах. В его руках были весы правосудия всей округи, простиравшейся на много-много миль – от Гэмпшира до Суррея. Гнев его грозил монахам постом, ссылкой в обитель с более суровыми порядками и даже ввержением в оковы. Мирян он тоже мог подвергать всяким наказаниям, кроме смертной казни, впрочем, в руках у него было оружие пострашнее – отлучение от церкви.

Вот такой властью наделен был аббат, и неудивительно, что на румянном лице его лежал отпечаток этой власти, а братия, перехватив его внимательный взгляд из окна покоев, спешила принять еще более смиренный и благочестивый вид.

Стук в дверь вернул настоятеля к текущим делам, и он снова сел за стол. Он уже переговаривал обо всем с экономом, приором, раздавателем милостыни, капелланом и чтецом, а теперь в высоком худом монахе, который, повинаясь его жесту, вошел в покои, он узнал самого важного и самого изворотливого из своих доверенных лиц, брата Сэмюэла, ризничего, который, подобно управляющему светским поместьем, смотрел за монастырским имуществом, вел дела с внешним миром и отчитывался только перед аббатом. Брат Сэмюэл был сух, жилист и стар; суровые резкие черты его лица не одухотворялись светом свыше и отражали лишь тот низменный, будничный мир, что был его уделом. Под мышкой он держал толстую счетную книгу, в свободной руке болталась большая связка ключей, знак его должности, а также, под горячую руку, и орудие расправы, о чем свидетельствовали многочисленные шрамы на головах крестьян и братьев-мирян.

Настоятель тяжело вздохнул: усердный брат доставлял ему немало хлопот.

– Ну, брат Сэмюэл, в чем дело?

– Святой отец, я пришел доложить, что продал шерсть господину Болдуину из Уинчестера на два шиллинга за тюк дороже, чем в прошлом году. Цены-то на шерсть после овечьего мора поднялись.

– Хорошо сделал, брат.

– Еще вот что: я выкинул Уота, арендатора, из его халупы, потому что он с самого Рождества ничего не платит да налог на кур за прошлый год еще не внес.

– Но, брат, ведь у него жена и четверо детей.

Настоятель был добр и мягок. Впрочем, он довольно легко уступал своему суровому подчиненному.

– Так-то оно так, святой отец, да только если я ему спущу, то как же мне требовать налог с патнемских лесников или с деревенских крестьян? Такие слухи разлетаются быстро. И что тогда станет с богатствами Уэверли?

– Что еще, брат Сэмюэл?

– Еще садки.

Лицо у настоятеля просветлело. В этом деле он был знатоком. Правила ордена отняли у него более нежные улады жизни; с тем большим жаром он отдавался радостям дозволенным.

– Как там хариусы, брат мой?

– Прекрасно, святой отец. Да вот в аббатском садке стали пропадать карпы.

– Карп хорошо себя чувствует только в пруду с песчаным дном. И запускать его в садок надо умеючи – три самца на одну самку с икрой, брат ризничий. Садок должен быть в локоть глубиной, дно каменистое, с песком, а по берегу – ивы и трава. И чтобы там не продувало. Линь любит ил, а карп – песок.

Тут ризничий подался вперед с видом человека, принесшего дурные вести.

– В аббатском садке завелись щуки.

– Щуки! – в ужасе воскликнул настоятель. – Это все равно, что волки в овчарне. Откуда взялись в пруду щуки? В прошлом году не было никаких щук, а ведь щуки не выпадают с дождями и не бьют из ключей. Пруд надо спустить, иначе в Великий пост нам придется есть одну вяленую треску, и все начнут болеть до самого Светлого воскресенья, пока оно не разрешит нас от воздержания.

– Пруд непременно спустят, святой отец, я уже распорядился. В ил посадим зелень, а когда уберем ее, снова напустим воды и рыбы из нижнего садка, пусть жирует на стерне.

– Очень хорошо! – воскликнул настоятель. – Я бы в каждом хорошем хозяйстве имел по три садка: один без воды, один мелкий для мальков и сеголеток и один глубокий для зрелой и столовой рыбы. Но все же, как щуки попали в аббатский садок?

Лицо ризничего исказилось от злости, и ключи, которые он с силой сжал в костлявой руке, загремели.

– Это все молодой Найджел Лоринг! – сказал он. – Он пообещал навредить нам, вот и выполнил свое обещание.

– Откуда ты знаешь?

– Полтора месяца назад видели, как он каждый день ловил щук на большом Френшемском озере, а два раза его встречали ночью с охапкой соломы в руках у Хэнклийского холма; я-то знаю, что солома у него была мокрая, а в ней лежали живые щуки.

– Я слышан о его выходках, – покачал головой аббат, – но теперь, если все, что ты сказал, правда, они перешли все границы. Ведь это он, по слухам, застрелил королевского оленя в Вулмер-Чейз, и одно это уже непростительно. А потом еще проломил голову этому борцу Хоббсу, и тот неделю пролежал у нас в лазарете между жизнью и смертью. И спасло его только то, что брат Петр – искусный травник. Но напустить щук в аббатский садок – что за дьявольская затея!

– Он ненавидит наш монастырь, святой отец. Он говорит, что мы захватили земли его отца.

– Ну, в этом есть доля правды.

– Но, святой отец, мы взяли только то, что дал нам закон.

– Твоя правда, брат, но все же, между нами говоря, надо признаться, что полный кошелек часто перетягивает весы правосудия. Когда мне случается проходить мимо старого дома и видеть эту краснолицую старуху с недобрый взглядом, источающим проклятья, которые она не осмеливается произнести, мне всякий раз хочется, чтобы у нас были какие-нибудь другие соседи.

– Это легко сделать. Об этом я и шел поговорить с вами. Нам ничего не стоит согнать их с места. Недоимки скопились у них за добрых тридцать лет, а в Гилдфорде есть стряпчий Уилкинз, который вчинит им такой иск, что этим нищим гордецам придется продать крышу над головой, чтобы заплатить все сполна. Через три дня они будут у нас в кулаке.

– Я не хотел бы обойтись с ними слишком жестоко. Это славный старинный род.

– Вспомните о щуке среди карпов.

При этой мысли сердце аббата исполнилось твердости.

– Да уж, и впрямь дьявольская выходка. А мы только-только пересадили туда новую молодь. Ну что ж, закон есть закон. И даже если он несет в себе горе, все равно он закон. Иски уже предъявлены?

– Стряпчий со своими людьми ходил туда вчера, да этот ярый юнец набросился на него и гнал до самого Гилдфорда. Парень мал ростом, да тонок, но, уж как разойдется, посильнее многих будет. Законник божится, что шагу туда больше не сделает, разве что с полудюжиной лучников.

При этом новом оскорблении лицо настоятеля вспыхнуло гневом.

– Я покажу ему, что слуги святой церкви, даже если это покорнейшие и смиреннейшие ее чада из ордена святого Бернарда, могут постоять за себя и дать отпор любому наглецу. Теперь ступай и вызови его на аббатский суд. Пусть завтра после трех явится в капитул.

Но осторожный ризничий покачал головой.

– Нет, святой отец, еще не подошло время. Дайте мне три дня, и все иски против него будут готовы. Нельзя забывать, что и отец и дед этого дерзкого сквайра прославили себя подвигами и были первыми рыцарями на службе у самого короля. Они жили в чести и умерли, исполняя свой рыцарский долг. Нынешняя леди Эрментруда Лоринг была первой фрейлиной

у матушки короля. Роджер Фиц-Аллен Фарнемский и сэр Хью Уолкотт из Гилдфорского замка сражались бок о бок с отцом Найджела и приходится ему родней по материнской линии. И так уж говорят, что мы обошлись с ними жестоко. Вот я и думаю, что нам лучше быть поосторожнее и подождать, пока чаша переполнится.

Настоятель открыл было рот, чтобы ответить, но их разговор был неожиданно прерван: снизу, от келий, донесся какой-то шум и громкие голоса монахов; со всех сторон аркады слышались взволнованные выкрики. При таком вопиющем нарушении приличий и порядка их послушными овцами аббат и ризничий застыли, изумленно уставившись друг на друга, как вдруг на лестнице раздались торопливые шаги и один из монахов с побелевшим от ужаса лицом распахнул дверь и ввалился в комнату.

– Отец настоятель! – закричал он. – Горе нам, горе! Умер брат Джон! И святой помощник приора тоже умер! А на стоаковом поле гуляет дьявол!

Глава III

Соловый конь из Круксбери

В те незатейливые времена жизнь изобиловала чудесами и тайнами. Люди жили в страхе и священном трепете, чувствуя близость Неба у себя над головой и Ада под ногами. Рука Божия виделась им во всем: в радуге и в комете, в громе и молнии. Дьявол тоже в открытую неистовствовал по всей земле: в сумерках он прятался под изгородями, по ночам хохотал, вцеплялся в умирающего грешника, набрасывался на некрещеного ребенка и выкручивал руки и ноги эпилептику. Нечистый повсюду крался за своей жертвой и нашептывал ей всякие гадости, зато над нею все время парил и ангел-хранитель, указуя ей стезю спасения. И какие могли быть сомнения, если во все это веровали и Папа, и священник, и сам король и нигде во всем мире еще не прозвучало ни единого вопроса?

Каждая прочитанная книга, увиденная картина, сказка, услышанная от матери или няньки, – все учили одному и тому же. А если кому случалось отправиться в путешествие по белу свету, его вера укреплялась еще более, потому что, куда бы ни заносила его судьба, он видел бесконечные гробницы с прахом святых, и каждая была окружена ореолом легенд о множестве чудес, доказательством которых служили кучи костей да серебряные сердца, выкованные по обету. Каждый поворот судьбы показывал человеку, как тонка завеса, отделяющая его от обитателей невидимого мира, и как легко ее порвать.

Поэтому ошеломляющее сообщение перепуганного монаха было воспринято слушателями как нечто ужасное, но отнюдь не невозможное. Лицо аббата на миг побледнело, но он тут же вытащил из стола распятие и храбро вскочил на ноги.

– Веди меня к ним! – воскликнул он. – Покажи мне нечистого, который осмелился поднять руку на братию в святом монастыре! Сбегай вниз к капеллану, брат, и попроси его принести с собой все, что нужно для заклинания дьявола, – и священный ларец с мощами, и кости святого Иакова из-под алтаря! Они помогут нашим смиренным кающимся сердцам повергнуть силы тьмы.

Однако у ризничего был более скептический склад ума. Он схватил монаха за руку и сжал ее так, что у того потом несколько дней не сходило пять синяков.

– Разве так входят в покои настоятеля? Почему ты не постучался, не поклонился, не сказал *Rex vobiscum*⁶? – сурово спросил он. – Ты же всегда был кротчайшим из послушников, смиренно набирался благочестивой мудрости, усердно пел псалмы, соблюдал себя в строгости. Соберись с мыслями и отвечай на мои вопросы. В каком образе явился нечистый и как он столь ужасно поразил наших братьев? Ты видел его сам, своими глазами, или только повторяешь, что слышал? Да говори же, не то я немедленно поставлю тебя на покаяние.

От такой угрозы перепуганный монах, казалось, поуспокоился, однако побелевшие губы, затравленный взгляд и тяжелое дыхание выдавали его внутренний ужас.

– Если позволите, святой отец, и вы, досточтимый ризничий, дело было так. Сегодня с шести часов помощник приора Иаков, брат Джон и я резали в Хэнкли папоротник для коровников. Потом мы пошли домой стоакровым полем, и святой помощник приора стал рассказывать одну историю из жизни святого Григория, как вдруг раздался шум, словно налетел ливень, нечистый перескочил через стену, что огораживает заливной луг, и как вихрь бросился на нас. Он повалил брата Джона на землю и затоптал его в грязь. Потом схватил зубами доброго помощника приора и стал бегать кругами по полю, тряся его, словно узел тряпья.

⁶ Мир вам (*лат.*).

Я совсем остолебенел и только твердил про себя одно «Верую» и три «Богородица, Дево», но тут дьявол бросил помощника приора и кинулся ко мне. Святой Бернард помог мне перелезть через стену, но дьявол успел вцепиться зубами мне в ногу и оторвать сзади весь подол рясы.

Сказав это, монах повернулся и подтвердил свои слова – со спины у него свисала располованная ткань его одеянья.

– Так в каком же образе предстал Сатана? – повторил настоятель.

– В образе огромного солового коня, святой отец, такого страшного коня с огненными глазами и зубами, как у грифона.

– Соловый конь! – и ризничий сверкнул глазами в сторону перепуганного монаха. – До чего ты глуп, брат! Что же ты станешь делать, когда тебе и впрямь придется встретиться лицом к лицу с Князем тьмы, если тебя так напугал вид соловой лошади? Ведь это конь Фрэнклина⁷ Эйлварда, отец мой. Мы конфисковали его за то, что Эйлвард задолжал монастырю добрых пятьдесят шиллингов, а денег ему взять неоткуда. Говорят, такого коня не найдешь ни в одной конюшне по всей округе, даже в Уиндзоре у короля. Он происходит от испанского боевого коня и арабской кобылы той линии, которую Саладин⁸ вел только для себя; говорят даже, что он держал ее в собственном шатре. Я отобрал коня за долги и велел работникам, которые его привели, оставить его одного на залидном лугу – мне говорили, что эта тварь в самом деле уж очень норовиста и что от нее пострадал не один человек.

– В черный день привел ты это чудовище в монастырь, – сказал настоятель. – Если помощник приора и брат Джон действительно погибли, то лошадь эта хоть и не сам дьявол, но, уж верно, орудие дьявола.

– Конь он, дьявол ли, только я слышал, как он визжал от удовольствия, когда топтал брата Джона. А если бы вы видели, как он трепал помощника приора – словно собака крысу, – вы бы, верно, почувствовали то же, что и я.

– Ну пойдем и посмотрим своими глазами, каких он натворил бед, – сказал настоятель.

И трое монахов стали быстро спускаться по лестнице, ведущей к кельям.

Не успели они ступить на землю, как худшие их опасения рассеялись: в это самое мгновение в участливо галдящей толпе братьев показались два страдальца. Они хромали, рясы их были порваны и перепачканы грязью. Однако крики и вопли, доносившиеся снаружи, говорили, что где-то за оградой разыгрывается новая драма. Аббат и ризничий поспешили вперед, насколько это позволяла необходимость блюсти достоинство сана, пока не вышли за ворота и не оказались возле стены, отгораживающей луг. Взглянув поверх нее, они стали свидетелями необычайного зрелища.

На лугу, по щиколотку в густой траве, стоял великолепный конь, при виде которого затрепетало бы сердце и воина и ваятеля. Конь был желтой, соловой масти, но с гривой и хвостом не светлого, а рыже-коричневого окраса. Семнадцати пядей ростом, с корпусом и задними ногами, которые говорили о невероятной силе, с изысканными линиями шеи, холки и плеч, он являл собой изумительный образец породы. Конь был поистине прекрасен. Он стоял, осев на широко расставленные задние ноги, высоко подняв голову на гордо откинутой шее, уши его стояли торчком, грива вздыбилась, ноздри трепетали от ярости; глазами он грозно, с высокомерным вызовом, поводил из стороны в сторону.

На почтительном расстоянии, взяв его в кольцо, к нему подбирались шестеро монастырских крестьян и лесников с веревками наготове. Время от времени огромное животное, осерив зубы, с развешивающейся гривой и гордо поднятой головой, великолепным броском отворачива-

⁷ Фрэнклин – свободный крестьянин.

⁸ Саладин – получившая распространение в Западной Европе форма имени Салах-ад-дина (1138–1193), султана Египта в 1171–1193 гг., курда, основателя династии Эйюбидов, который успешно боролся с крестоносцами в Палестине.

лось то к одному, то к другому преследователю и с громким ржаньем гнало его к спасительной стене. Тогда остальные забегали сзади, безуспешно пытаясь набросить веревки коню на ноги или на голову, но всякий раз тоже отступали в ближайшее укрытие.

Если бы им удалось заарканить лошадь хотя бы двумя веревками, если бы на лугу было что-нибудь, за что закрепить их концы, – пень или валун, – человеческий разум, может быть, и одолел бы силу и стремительность животного. Но если разум полагал, что с помощью веревок можно добиться чего-либо иного, кроме как подвергнуть опасности того, кто ими размахивал, то разум глубоко заблуждался.

То, что легко было предвидеть, случилось как раз в минуту, когда монахи прибыли к месту происшествия. Лошадь, загнав одного из нападающих за стену, остановилась, храпом изливая на него поверх стены свое презрение, и дала возможность остальным подобраться к ней с тыла. В воздухе взвилось несколько веревок, и одна обвилась вокруг гордой шеи, утонув в косматой гриве. В одно мгновение животное обернулось, и люди, спасаясь, бросились врассыпную; но тот, кто набросил аркан, замешкался, не зная, как ему лучше воспользоваться своим успехом. Миг нерешительности стал роковым. В ужасе он увидел над собой животное, вставшее на дыбы. И тут же конь, с грохотом обрушив на него копыта, одним движением швырнул его наземь. Он с криком вскочил, но снова был сбит с ног и замер, весь дрожа, с окровавленной головой, а дикая лошадь – в ярости самое жестокое и страшное существо на свете – кусала, трепала и лягала извивающееся тело человека.

За высокой стеной в рядах увенчанных тонзурами голов раздался громкий вопль, но тут же замер и сменился долгим безмолвием, пока наконец, его не нарушили восторженные крики благодарения и радости.

По дороге к старому, потемневшему от времени господскому дому по склону холма ехал юноша. Он сидел на тощей, неуклюжей, косматой лошадке ростом с жеребенка. На нем был старый, залатанный камзол, когда-то алый, а теперь весь выгоревший, перепоясанный засаленным кожаным поясом, – жалкий наряд. Однако осанка, посадка головы, изящные движения и смелый, открытый взгляд голубых глаз – все говорило о его благородном происхождении и позволило бы ему занять достойное место в любом обществе. Ростом юноша был невелик, но сложен удивительно изящно. Хотя кожа на его лице покрылась загаром и огрубела, черты были тонки и выразительны, знак духа живого и горячего. Густые русые кудри выбивались из-под плоской шляпы, золотистая бородка скрывала сильный квадратный подбородок. Его мрачную одежду оживляло лишь перо скопы, приколотое к шляпе золотой пряжкой. От внимания стороннего наблюдателя не ускользнуло бы ни это перо, ни другие мелочи в его облике – короткая, ниспадающая складками накидка, охотничий нож в кожаных ножнах, перевязь, на которой висел бронзовый рог, мягкие сапоги из оленьей кожи и острые шпоры. Однако память сохранила бы не это, а его загорелое лицо в золотистом ореоле и живые, искрящиеся отвагой веселые голубые глаза.

Вот такой молодой человек в сопровождении полудюжины собак скакал, весело помахивая хлыстом, на своем неказистом пони по Тилфордской дороге. Оттуда он и увидел комедию, разыгравшуюся на монастырском лугу, и тщетные усилия уэверлийских служителей. На губах его появилась презрительная усмешка. Однако он тут же понял, что комедия превращается в кровавую драму, и в одно мгновение из безучастного зрителя преобразился в стремительного могучего воина. В один прыжок он соскочил с лошади, другим перемахнул через каменную стену и бросился бежать по лугу. Отпустив на миг свою жертву, соловый конь заметил приближение нового врага, с презрением оттолкнул копытом распростертое на земле, все еще корчащееся тело и ринулся ему навстречу.

На этот раз враг не бежал перед ним, не спешил укрыться за стеной. Небольшая фигурка остановилась, выпрямилась и металлическим концом хлыста нанесла коню сильнейший удар по голове. И так повторялось при каждом новом броске коня. Тщетно лошадь становилась на

дыбы, пыталась повергнуть врага ударами плеч и копыт. Проворно, но спокойно тот увертывался от призрака смерти, и снова раздавался свист и стук тяжелой рукояти, без промаха наносившей новый удар.

Наконец лошадь отступилась. Бешеным, но удивленным взглядом сверкнула она на непобедимого незнакомца и побежала рысью по кругу. Грива и хвост ее развевались на ветру, уши стояли торчком, она храпела от боли и ярости. Молодой человек, едва удостоив взглядом своего свирепого соседа, подошел к раненому леснику, поднял его, обнаружив силу, которую никак нельзя было ожидать в таком щуплом теле, и отнес его к ограде. Добрая дюжина рук протянулась из-за стены ему на помощь. Он не спеша взобрался на стену и спокойно-презрительно улыбнулся соловому коню, который сделал последнюю яростную попытку напасть на него. Потом прыгнул на другую сторону, и его тотчас окружили монахи. Они благодарили и на все лады превозносили его. Он хотел было повернуться и уйти, не проронив ни слова, но тут к нему подошел сам аббат Джон.

– Нет-нет, сквайр Лоринг, не уходите. Хоть вы и недруг нашему монастырю, мы вынуждены признать, что сегодня вы поступили как истинный христианин. Ведь тем, что наш работник еще дышит, мы обязаны только вам... И конечно, нашему благословенному заступнику – святому Бернарду.

– Клянусь святым Павлом! – воскликнул молодой человек. – У меня нет к вам никаких добрых чувств, настоятель Джон. На земле Лорингов лежит тень вашего монастыря. А что до сегодняшней пустяковой услуги, так мне не нужна ваша благодарность. Я поступил так не ради вас и вашего монастыря, а лишь ради собственного удовольствия.

От этих дерзких слов настоятель вспыхнул и в досаде прикусил губу. Но тут вмешался ризничий.

– Было бы пристойней и благородней говорить со святым отцом аббатом уважительно, как того требует его высокое положение и почтение, на которое вправе рассчитывать князь церкви.

Юноша обратил на ризничего смелый взгляд голубых глаз; его загорелое лицо еще больше потемнело от гнева.

– Если бы не ваша рыса да седина в волосах, я поговорил бы с вами иначе. Вы, как тощий волк, рычите от жадности у нас под дверьми, чтобы заграбастать и то малое, что у нас осталось. Со мной вы можете говорить и делать что угодно, только, клянусь святым Павлом, если я узнаю, что ваша жадная стая досаждала леди Эрментруде, я вот этим самым хлыстом выбью их всех с клочка земли, который один из всех и остался у нас из всего, чем владели наши предки.

– Полегче, Найджел Лоринг, полегче! – воскликнул настоятель, подняв вверх палец. – Вы что, не чтите английский закон?

– Я чту справедливый закон и повинуюсь ему.

– Разве вы не почитаете святую церковь?

– Я почитаю все, что в ней есть святого. Но без всякого почтения отношусь к тем, кто выжимает последние соки из бедняков или крадет земли своих соседей.

– Не дерзите. Многих отлучали и не за такие слова. Впрочем, нам не следует сегодня строго судить вас. Вы молоды и горячи, и неподобающие слова легко срываются у вас с языка. Как там лесник?

– Ранен он тяжело, отец аббат, но жив будет, – сказал один из монахов, оторвав глаза от распростертого тела. – Если пустить кровь да попоить травяными настоячками, ручаюсь, через месяц он будет на ногах.

– Тогда отнесите его в лазарет и подумаем, что нам делать с лошастью. Видите, эта тварь все еще тарашит из-за стены глаза и храпит, словно поносит святую церковь, как сквайр Найджел.

– Тут пришел фрэнклин Эйлвард, – сказал один из братьев, – лошадь-то его, он, надо думать, и заберет ее.

Но крепкий краснощекий фермер отрицательно покачал головой.

– Ну уж нет! Эта зверюга дважды гоняла меня по всему выгону и чуть не убила моего Сэмкина. Нарню так хотелось проехаться на ней, его и сейчас ничем не утешить. Никто из батраков не может войти к ней в стойло. Вот уж поистине в дурной день взял я ее из конюшен Гилдфордского замка; знал ведь, что они там не могли с ней справиться, никто не хотел рискнуть сесть на нее. Ризничий забрал ее за долги в пятьдесят шиллингов, по дешевке, пусть и делает с ней что хочет. На мою ферму в Круксбери лошадь больше не вернется.

– Здесь она тоже не останется, – сказал настоятель. – Брат ризничий, ты вызвал дьявола, тебе его и усмирять.

– Охотно! – воскликнул ризничий. – Пусть брат казначей вычтет из моего недельного содержания пятьдесят шиллингов, так что монастырь ничего не потеряет. Вон стоит Уот с арбалетом и стрелой за поясом: пусть он вгонит ее в голову этой проклятой твари: ее шкура да копыта стоят побольше, чем она сама.

Крепкий загорелый старик охотник, отстреливавший хищников в монастырских лесах, вышел вперед и широко улыбнулся. Наконец-то после лисиц и горностаев перед ним была благородная жертва, и она должна была пасть от его руки. Он вложил стрелу в арбалет, поднял его к плечу и нацелился на свирепую гордую косматую голову, которая в дикой пляске металась по ту сторону стены. Он уже положил палец на спуск, как вдруг удар хлыста подбросил оружие вверх, и стрела, не причинив никому вреда, улетела за монастырский фруктовый сад. Охотник в замешательстве отшатнулся под гневным взглядом Найджела Лоринга.

– Поберегите стрелы для своих хорьков, – сказал сквайр. – Неужели ты готов отнять жизнь у твари, которая только тем и виновата, что не нашла еще того, кто смирит ее неукротимый дух? Ты хотел убить лошадь, на которой с гордостью скакал бы сам король, и только за то, что у какого-то фермера, или монаха, или монастырского работника не хватает ума да ловкости обуздать ее?

Ризничий быстро обернулся к сквайру.

– Хотя вы и нагрубили нам, монастырь обязан вам за то, что вы сегодня сделали. Если вы считаете, что лошадь хороша, вам бы, наверное, хотелось иметь ее. А раз мне все равно платить за нее, то, с позволения святого отца настоятеля, она теперь моя собственность и я дарю ее вам.

Аббат дернул подчиненного за рукав.

– Подумайте, брат ризничий, – шепнул он, – как бы кровь этого человека не пала на наши головы.

– Он упрям и горд, как эта лошадь, святой отец, – ответил ризничий, и на его мрачном лице появилась злорадная усмешка. – Кто бы кого ни переломал, он лошадь или лошадь его, все будет на благо миру. Если вы не позволите мне...

– Нет, нет, брат. Вы выкупили лошадь и вольны дарить ее кому пожелаете.

– Тогда я отдаю ее, со всей шкурой, и копытами, и хвостом, и норовом, Найджелу Лорингу, и да будет она так же мила и почтительна к нему, как он был к братьям Уэверлийского монастыря.

Ризничий говорил громко, под смехи монахов. А тот, кому предназначались эти слова, был уже далеко. Как только он понял, какой оборот принимает дело, он бросился туда, где оставил своего пони, снял с него удила и крепкую уздечку и, оставив его щипать придорожную траву, поспешил обратно.

– Я принимаю твой дар, монах, – сказал он, – хотя прекрасно понимаю, зачем ты это делаешь. И все же я благодарю тебя за него, потому что на всем свете есть только две вещи, о которых я страстно мечтал, но мой тощий кошелек не позволял мне их купить. Одна из них –

благородный конь, что стоит перед вами, – единственный, кого бы я выбрал из всех лошадей. Укротить его будет нелегко, зато это принесет мне славу и почет. А как его зовут?

– Его зовут Поммерс, – сказал фермер. – Но предупреждаю вас, сэр, его невозможно оседлать. Многие пытались, сэр, но даже самому везучему он сломал ребро...

– Благодарю за предупреждение, – сказал Найджел. – Теперь я вижу, что это и впрямь конь, ради которого я пошел бы хоть на край света. Я создан для тебя, Поммерс, как ты для меня. И сегодня вечером ты это поймешь, или мне никогда больше не понадобится лошадь. Сегодня мы померяемся с тобой, и пусть Господь Бог даст тебе побольше сил, Поммерс, чтобы борьба была труднее и принесла мне побольше славы.

С этими словами сквайр взобрался на стену и твердо встал на ноги, держа в одной руке уздечку, а другой сжимая хлыст. Он казался воплощением изящества и отваги. Тотчас лошадь с бешеным храпом, оскалив зубы, рванулась к нему. И снова тяжкий удар металлического наконечника заставил ее отпрянуть. В то же мгновение, быстро прикинув взглядом расстояние, Найджел подался всем телом вперед, взвился в воздух, упал на коня и оказался на его широкой желтой спине. Минуту-другую ему стоило невероятных усилий удерживаться – без седла и уздечки – на животном, которое, как безумное, бушевало под ним, то становясь на дыбы, то бросаясь из стороны в сторону. Наконец ноги Найджеля стальными обручами обхватили вздымающиеся ребра лошади, а его левая рука зарылась глубоко в темно-рыжую гриву.

Никогда еще в монотонную жизнь смиренной уэверлийской братии не врывалось ничего подобного этой неистовой схватке. Желтый конь вселял в душу ужас, но он был прекрасен. С раздувающимися от ярости, налитыми кровью ноздрями и безумными глазами, конь метался из стороны в сторону, становился на дыбы, стремительно опускался на ноги, то склонял свирепую косматую голову до самой земли, то взлетал на добрых восемь футов и бил копытами воздух. Гибкое тело на его спине клонилось, как тростник под ветром, то в одну сторону, то в другую. Ниже пояса всадник словно окаменел, выше – отзывался на каждое движение коня. Лицо его было спокойно и дышало непреклонной волей, а глаза сверкали восторгом борьбы. Все усилия огромного животного с пламенным сердцем и железными мышцами были тщетны – всадник прочно удерживал свое господство.

Один раз монахи в ужасе закричали: становясь все выше и выше на дыбы, лошадь в последнем безумном усилии опрокинулась на всадника, но тот успел в последний миг выскользнуть из-под тела животного, прежде чем оно коснулось земли. Спокойно, пнув ногой катавшегося по земле коня, он подождал, пока тот встанет на ноги, и, ухватившись за гриву, снова легко вскочил ему на спину. Даже мрачный ризничий не мог удержать возгласа одобрения, когда Поммерс, с изумлением обнаружив, что всадник все еще сидит у него на спине, бросился вперед, в поле, выделявая отчаянные курбеты.

Лошадь пришла в еще большее неистовство. В мрачных глубинах ее неукротимого сердца родилось дикое желание даже ценой собственной жизни насмерть расшибить сидевшего на ней всадника. Ее налитые кровью, сверкающие глаза искали оружие смерти. С трех сторон поле было обнесено высокой стеной, которую прорезали тяжелые четырехфутовые деревянные ворота. С четвертой стороны стояло длинное серое здание, один из монастырских амбаров. В нем не было ни окон, ни дверей. Лошадь перешла на галоп и устремила прямо к его отвесной тридцатифутовой стене. Она была готова сама разбиться об нее, лишь бы вышибить дух из человека, захотевшего добиться господства над существом, которое никогда не знало господина.

В стремительном галопе, почти касаясь задними ногами брюха, грохоча копытами по земле, взбесившаяся лошадь все быстрее и быстрее несла всадника к стене. Что сделает Найджел? Соскочит на траву? И значит, подчинится воле животного, на котором сидит? Нет, у него был и другой выход. Невозмутимо, быстро и решительно он перехватил хлыст и уздечку в

левую руку, а правой сдернул с плеч короткий плащ и, вытянувшись вдоль напряженно вздрагивающей спины лошади, набросил развевающуюся ткань ей на глаза.

Результат превзошел все ожидания, однако всадник едва не оказался на земле. Когда выкаченные, жаждущие кровавой мести глаза вдруг оказались в темноте, изумленный конь так резко замер на месте, упершись передними копытами в землю, что Найджел перелетел к нему на шею и еле-еле удержался за гриву. Прежде чем он успел соскользнуть обратно, опасность миновала: непонятное явление заставило животное позабыть о своих намерениях; оно еще раз развернулось и, дрожа всем телом, нетерпеливо вскидывая голову, сбросило наконец плащ с глаз. Леденящий душу мрак растаял, перед глазами снова был луг с залитой солнцем травой.

Но вот кто-то опять покушается на его свободу! Откуда взялся во рту такой отвратительный кусок железа? А ремни на шее? От них так зудит кожа! А что это такое стянуло обручем грудь? Как страшно! В те несколько мгновений, пока лошадь стояла неподвижно, прежде чем сбросить плащ, Найджел успел протянуть руку, просунуть ей меж зубами мундштук и проворно закрепить уздечку.

От этого нового унижения, этого символа рабства и позора, в сердце солового коня снова забурлила слепая, безудержная ярость. Прикосновение сбруи привело его в неистовство. Он ненавидел и само это место, и людей – все и всех, что угрожало его свободе. Ему страстно хотелось навсегда избавиться от них, никогда больше их не видеть. Умчаться на край света, на безграничные свободные равнины. Унести за далекий горизонт от этого ужасного куска железа, от невыносимой власти человека.

Конь резко развернулся и одним величественным прыжком, легко, как олень, перескочил через четырехфутовые ворота. Шляпа слетела у Найджеля с головы, его русые кудри взметнулись на ветру, когда вместе с лошастью он взвился в воздух и снова опустился на землю. Теперь они были на залидном лугу; перед ними, сверкая, журчал ручей футов в двадцать шириной, впадавший ниже в реку Уэй. Соловый конь как стрела перелетел через него. Миновав большой валун, он сделал новый скачок и оставил позади кустарник, росший на противоположном берегу. Там до сих пор лежат два камня, отмечая длину этого прыжка – добрых одиннадцать шагов от одного отпечатка копыт до другого. Конь промчался под широко распростертыми ветвями огромного дуба на том берегу (его и теперь показывают как былую границу аббатства). Он надеялся сбросить с себя всадника, но Найджел распластался на напрягшейся спине лошади, зарывшись лицом в развевающуюся гриву.

Корявый сук сильно полоснул его по спине, но Найджел не потерял присутствия духа и не ослабил хватку. Становясь на дыбы, рывками бросаясь вперед, Поммерс пронесся через молодую рощу и вылетел на широкие просторы Хэнклийских холмов.

И началась скачка, о которой по сию пору рассказывают в бедных крестьянских хижинах и отголосок которой можно услышать в немудреных созвучиях старой суррейской баллады, теперь почти позабытой, от которой сохранились лишь несколько строк припева.

На Хайндхед может лань взлететь,
Обгонит сокол ветер,
Но Найджелов соловый конь
Мчит всех быстрее на свете.

Теперь перед ним простирался волнующий океан темного вереска, доходившего до колен. Огромными валами он поднимался к четким очертаниям возвышающегося впереди горного склона. Над ним сиял мирный купол неба; солнце клонилось к Гэмпширским холмам. Поммерс неся через густой вереск, через лощины и ручьи, взлетал на крутые откосы оврагов. Сердце его разрывалось от ярости, каждая частица тела трепетала от перенесенного унижения.

Но что бы конь ни делал, человек крепко сжимал ногами его вздымающиеся бока и не отпускал развевающуюся гриву. Он молчал и не шевелился, но, позволяя коню выделять все что угодно, был неумолим, как судьба, упорно ведущая к своей цели. Огромная желтая лошадь неслась все вперед и вперед, поскальзывалась, спотыкалась, делала невероятные скачки, но ни на миг не сбавляла своей страшной скорости. Они миновали Хэнклийские холмы, пронеслись через Терслийские болота, поросшие камышом, который доходил лошади до заляпанной грязью холки, поднялись на высокий склон Хедлендского холма, спустились к Наткумскому ущелью. Обитатели Шоттермила слышали сумасшедший топот копыт, но не успели отогнать на дверях занавеси из бычьей шкуры, как лошадь и всадник уж исчезли из виду среди высоких папоротников Хейзлмирской долины. Конь несся вперед, оставляя за собою милю за милей. Никакое болото не могло остановить его, никакая гора не могла замедлить его безумный бег. Будь то крутой подъем на Линчмир или пологий на Фернхерст, он с грохотом мчался по ним, как по ровному месту. И только когда он слетел вниз с Хенлийского холма и впереди за рощей показались серые башни Мидхерстского замка, его напряженно вытянутая шея стала наконец едва заметно клониться к груди и дыхание участилось. Куда бы он ни бросил взгляд – в сторону рощи или вперед по склону, он не видел ничего похожего на те свободные просторы, к которым стремился.

И тут над ним совершили еще одно неслыханное насилие. Довольно было и того, что человек все еще крепко держался у него на спине; так нет, теперь он стал сдерживать бег коня и направлять его по своей воле: конь почувствовал, как что-то больно дернулось у него во рту, и голову его повернули на север. Конечно, ему все равно, куда бежать, но человек, видно, сошел с ума, если решил, что норов такой лошади, как Поммерс, уже сломлен. Он скоро покажет своему врагу, что до победы еще далеко, даже если для этого придется сверх всякой меры напрячь мышцы и надорвать сердце. И конь понесся назад, вверх по длинному склону. Сможет ли он одолеть вершину? Он сам себе не признавался, что силы его на исходе, что он едва может двигаться дальше. А человек держался на нем все так же крепко. Пена клочьями покрывала коня, он весь был заляпан грязью. Глаза налились кровью, ноздри раздувались, он тяжело дышал открытым ртом; шерсть стала жесткой, от нее валил пар. Он побежал вниз с Сандийского холма и оказался у глубокого Кингслийского болота. Все, довольно. Ни плоть, ни кровь не могут этого больше вынести. Выбираясь из заросшей тростником трясины, по щиколотку в густой черной грязи, он наконец замедлил бег и, со всхлипом втягивая воздух, перешел с тяжелого галопа на легкий.

И вот новое бесчестие! Где же предел его унижениям? Ему уже не позволяют самому выбирать себе аллюр! До сих пор он шел галопом, потому что сам того хотел, а теперь его заставляет чужая воля! В бока впились шпоры, удар хлыста ожег плечи. От боли и стыда конь подскочил на месте. Потом, забыв, что у него устали ноги, что ему трудно дышать, что пот струится по всему телу, – забыв обо всем на свете, кроме невыносимого позора и пылающего внутри пламени, он снова понесся бешеным галопом. Он опять несся по вересковым склонам в сторону Уэйдаунской пустоши. Все дальше и дальше летел он вперед. Но вот силы снова стали его покидать, у него опять задрожали ноги, он стал задыхаться; он хотел было сбавить ход, но острые шпоры и удар хлыста заставили его снова рвануться вперед. В глазах у него потемнело, от усталости кружилась голова.

Конь не видел, куда ставит ноги, ему стало все равно, куда бежать. Им владело одно безумное желание – как угодно избавиться от ужасного врага, который восседал у него на спине, мучил и не отпускал его. Он пронесся через Терсли, выкатив от боли глаза, с разрывающимся сердцем, он миновал деревушку и, подгоняемый хлыстом и шпорами, уже перевалил было через гребень Терслийского холма, как вдруг мужество разом покинуло его, вся сила куда-то ушла, с глубоким мучительным всхлипом соловый конь рухнул на вереск. Падение было так внезапно, что Найджел перелетел через шею лошади. Теперь человек и животное,

задыхаясь, лежали рядом в вереске. Последняя красная полоска вечерней зари утонула за Батсером, и в лиловом небе замерцали первые звезды.

Первым пришел в себя молодой сквайр. Склонившись над задыхающейся загнанной лошастью, он ласково провел рукой по спутанной гриве и покрытой пеной морде. Лошадь обратила на него взгляд налитых кровью глаз, но теперь он прочел в них лишь удивление, а не ненависть, мольбу, а не угрозу. Когда он погладил мокрую от пота морду, лошадь тихо заржала и ткнулась мордой ему в ладонь. Этого было достаточно. То был конец борьбы. Рыцарственный враг сдавался на милость рыцаря-победителя.

– Ты мой конь, Поммерс, – прошептал Найджел и прижался щекой к вытянутой шее. – Я узнал тебя, а ты меня, и с помощью святого Павла кое-кто еще узнает нас обоих. А теперь пойдем-ка к тому вон озерку, уж не знаю, кому из нас сейчас нужнее вода.

И так уж случилось, что, возвращаясь поздно вечером домой с дальних ферм, несколько монахов Уэверлийского монастыря видели странную картину, о чем они не преминули рассказать в обители, так что в тот же вечер их рассказ дошел до ушей и ризничего и настоятеля. А рассказали они вот что: когда они шли через Тилфорд, им встретились человек и конь, которые шли голова к голове, по дороге к господскому дому. Посветив фонарями, чтобы лучше разглядеть эту пару, они увидели, что это не кто иной, как сам молодой сквайр, ведущий на поводу, как пастух ягненка, страшного солового коня из Круксбери.

Глава IV

Как в Тилфордское поместье прибыл стряпчий

В те дни, о которых повествует наша хроника, аскетическая строгость старинных норманнских замков уже смягчилась и облагородилась, так что новые жилища знати, хотя и утратили былую внушительность, стали гораздо удобнее. Новое, более утонченное поколение дворян приспособляло свое жилье больше для нужд мирной жизни, чем для войны. Всякий, кому вздумалось бы сравнить первобытную наготу замков Певенси или Гилдфорда с пышным великолепием Бодмина или Уиндзора, не преминул бы отметить огромную разницу в стиле убранства, который они олицетворяют.

В более отдаленные времена замки строили с вполне определенной целью – помочь завоевателям удержать страну в руках. Но когда те окончательно утвердились на завоеванных землях, замки утратили свое бывшее назначение – убежищ, где владельцы спасались от врага, и теперь за их стенами укрывались разве что от преследований суда; да еще они были центром междоусобных раздоров. На болотистых равнинах Уэльса и Шотландии замки еще сохраняли роль бастионов, охранявших границы королевства, и там они множились и процветали. Во всех же других уголках страны они, скорее, представляли угрозу его величеству королю и потому не пользовались его покровительством, а частенько и просто разрушались. Ко времени царствования Эдуарда III большая часть старых боевых крепостей либо превращалась в обыкновенные жилища, либо была разрушена во время гражданских смут. Их мрачные серые останки и по сей день виднеются над вершинами наших холмов. Новые здания строились либо как большие дома, способные, правда, при нужде держать оборону, но в основном все-таки служившие жильем, либо просто как жилье, без всяких оборонительных приспособлений.

Таким был и дом в Тилфорде, где последние представители некогда славного дома Лорингов из всех сил старались сохранить свой последний оплот и не дать монахам и законникам захватить несколько жалких акров земли, что еще оставались во владении рода. Дом был двухэтажный, срубленный из двух рядов толстых деревянных брусьев, между которыми были заложены неотесанные камни. На второй этаж, в спальню, вела наружная лестница. В нижнем этаже было только два помещения. Меньшее служило спальней старой леди Эрментруде. Второе, очень большое, – залой. Ее использовали как гостиную для членов семьи и как общую столовую, где принимали пищу и хозяева, и несколько их слуг и других челядинцев. Помещения, где эти слуги жили, а также кухни, службы и конюшни были просто рядом сараев и навесов, прилепившихся к задней стенке главного здания. Там жил паж Чарлз, старый сокольник Питер, Рыжий Суайер, который состоял при доме Найджела еще во времена войн с Шотландией, бывший менестрель Уэдеркот, повар Джон и другие, оставшиеся от прежних дней благоденствия и прилепившиеся к старому дому, как ракушки к остову сидящего на мели корабля.

Однажды вечером, спустя неделю после укрощения солового коня, Найджел и его бабушка сидели в зале у большого погасшего очага. Они уже поужинали, и столы – большие столешницы на козлах тоже были убраны, отчего комната казалась пустой и неуютной. Каменный пол был устлан толстым слоем зеленого камыша, который каждую субботу выметали вон вместе со всей грязью и мусором, скопившимися за неделю. На камыше пристроились несколько собак; они глодали и грызли брошенные им со стола кости. У одной стены стоял длинный деревянный буфет с тарелками и блюдами. Другой мебели в зале почти не было, если не считать двух скамеек у стены, двух кресел с высокими спинками, столика с разваленными на нем шахматными фигурами и большого железного сундука. В углу возвышалась подставка, и на ней величаво восседали два сокола. Они не издавали никаких звуков и не шевелились, только изредка мигали хищными желтыми глазами.

Но если человека, привыкшего к роскоши более поздних времен, убранство комнаты поразило бы скудостью, то тем более он был бы поражен, если бы бросил взгляд наверх: на стенах он увидел бы множество удивительных вещей. Над камином висели гербы всех домов, связанных с Лорингами узами крови или брака. Два факела, горевших по обе стороны камина, освещали тусклым светом голубого льва дома Перси, красных птиц де Валенсов, черный зубчатый крест де Моэнов, серебряную звезду де Верой и червленую перевязь Фиц-Аллена. Все они располагались вокруг пяти знаменитых алых роз на серебряном щите, который Лоринги со славой пронесли через столько кровавых сражений. Под потолком из конца в конец комнату пересекали тяжелые дубовые брусья, на которых тоже висело множество замечательных предметов: кольчуги, сработанные еще древними мастерами, несколько щитов, заржавелых помятых шлемов, луки, копья, конская сбруя, дротики для охоты на выдру, удочки и многие другие орудия боя или охоты. Еще выше, в темноте, под самым сводом крыши, виднелись ряды окороков, связки копченой грудинки, соленых гусей и других видов мясных заготовок, которые так много значили для средневекового домашнего хозяйства.

Леди Эрментруда Лоринг – дочь, жена и мать воинов – и сама являла грозную фигуру. Она была высока ростом и худа, с резкими жесткими чертами лица и черными глазами, выражавшими непреклонную волю. Ни ее седые волосы, ни согбенная спина не могли умалить чувство страха, который она внушала окружающим. Ее мысли и память постоянно обращались назад, в суровое прошлое. Англия нового времени казалась ей страной выродившейся, изнеженной, далеко отошедшей от старых добрых правил рыцарской учтивости и доблести.

Ей в равной мере претило и то, что народ набирает силу, а церковь богатеет, и то, что знать утопает в роскоши, и что сама жизнь становится все утонченнее. По всей округе боялись ее грозного вида и даже тяжелой дубовой палки, без которой она не могла передвигать свои немощные ноги.

И все же, хоть ее и боялись, она пользовалась всеобщим уважением. В те дни, когда книг было мало, а грамотеев и того меньше, очень ценились все, кто хорошо помнил о событиях прошлого и складно говорил. А где, как не в доме леди Эрментруды, неграмотные молодые сквайры Суррея и Гэмпшира могли послушать про подвиги своих дедов или получить познания в геральдике и рыцарском этикете, которые она приносила им из века более сурового и воинственного? При всей ее бедности, она была единственным человеком в Суррее, к которому охотно обращались со всеми вопросами, касающимися правил поведения или старшинства родов.

Сейчас она сидела скрючившись у очага и смотрела на Найджела. Суровые черты старого, в красных прожилках лица смягчились, в них светились любовь и гордость. Молодой сквайр, тихонько насвистывая, делал для своего арбалета тонкие стрелы на мелкую дичь. Случайно подняв голову, он поймал устремленный на него взгляд темных глаз. Подавшись вперед, он погладил костлявую руку.

– Чему вы так радуетесь, милая госпожа? По глазам вашим вижу, что вас что-то радует.

– Сегодня мне рассказали, как тебе достался этот огромный боевой конь, что бьет копытами на конюшне.

– Что вы, что вы, госпожа! Я ведь уже говорил вам, что его подарили мне монахи.

– Да, сын мой, об этом ты говорил, а вот обо всем остальном промолчал. Будто я не понимаю, что лошадь, которую ты привел, ничуть не похожа на ту, что дали тебе монахи. Почему ты мне ничего не рассказал?

– Право, неловко рассказывать о таких пустяках.

– Вот-вот. То же самое сказал бы и твой отец, и твой дед. Когда в былые времена рыцари собирались за столом, а чаша доброго вина шла по кругу, они сидели молча и только слушали рассказы о разных подвигах. А если кто хотел особо выделиться и начинал говорить громче других, отец твой, бывало, тихонько дергал его за рукав и спрашивал, нет ли на нем какого

обета, от которого отец мог бы его освободить, и не удостоит ли он отца сразиться с ним в благородном поединке. Если рыцарь замолкал, потому что был просто хвастун, отец тоже ничего больше не говорил, и все оставалось между ними. Ну а если тот держался достойно, твой отец повсюду прославлял его имя, при этом ни словом не упоминал о себе самом.

Найджел смотрел на старую женщину сияющими глазами.

– Я очень люблю, когда вы так говорите о нем. Прошу вас, расскажите еще раз, как он принял смерть.

– Он принял смерть, как и жил, – истинным дворянином. Она пришла к нему во время большой битвы у берегов Нормандии. Отец был начальником ютовой команды на корабле самого короля. А за год до этого, когда французы взяли верх в Проливе и сожгли Саутгемптон, они захватили один большой английский корабль – «Христофор». Так вот, когда началось сражение, они пустили этот корабль впереди своих судов. Но англичане тут же окружили его, ворвались на борт и перебили всех, кто там был.

В живых остался только сэр Лоредан Генуэзский, он был командиром корабля. И он сразился с твоим отцом на юте. Это было великолепное зрелище. Весь флот замер, чтобы полюбоваться им, даже король не мог удержать возгласов восхищения. Ведь сэр Лоредан был знаменитый воин, в тот день он прямо горел отвагой, и многие рыцари завидовали твоему отцу, что ему довелось биться с таким знаменитым противником. Отец твой заставил его отступить и нанес сильный удар булавой по голове. От удара шлем сэра Лоредана повернулся так, что глазные прорезы оказались сзади, и он как бы ослеп. Он бросил меч и сдался за выкуп. Но отец твой ухватился за шлем и повернул его обратно. Когда сэр Лоредан стал снова видеть, отец протянул ему меч и предложил отдохнуть, а потом снова продолжить схватку, ибо ни от чего не будет дворянину столько пользы и удовольствия, как от достойного поведения другого дворянина. И они сели рядом у борта. А потом, не успели они снова взяться за мечи, как в отца твоего попал камень, пущенный из баллисты, и он тут же скончался.

– А что было с сэром Лореданом? – воскликнул Найджел. – Он ведь тоже умер?

– Кажется, его просто пристрелили лучники. Они очень любили твоего отца. Да и смотрят они на такие вещи иначе, чем мы.

– Какая жалость! – заметил Найджел. – Ясно же, что он был доблестный рыцарь и храбро сражался.

– В былое время, когда я была молода, простолюдины не посмели бы поднять свою грязную руку на такого человека. Люди благородной крови, носящие доспехи, воевали друг с другом, а все остальные – лучники или копейщики – могли только устраивать драки между собой. А теперь все стали равны. И лишь изредка встречается человек, такой, как ты, мой милый сын, который напоминает мне о тех, кого уже давно нет.

Найджел склонился и взял ее за руки.

– Таким меня сделали вы.

– Это правда, Найджел. Я растила тебя, как садовник растит свой самый драгоценный цветок. Ведь ты – единственная надежда нашего древнего рода. И скоро – очень-очень скоро – останешься один.

– Не надо, милая госпожа, не говорите так.

– Я очень стара, Найджел, и чувствую, как на меня надвигается тень смерти. Мое сердце жаждет смерти, потому что все, кого я знала и любила, умерли раньше меня. А ты... Что ж, для тебя это будет счастливый день, ведь я не отпускаю тебя в тот мир, куда рвется твоя отважная душа.

– Не надо! Мне хорошо и здесь, с вами, в Тилфорде.

– Мы очень бедны, Найджел. Я просто не знаю, где нам достать денег тебе на военное снаряжение. Впрочем, у нас есть добрые друзья. Есть сэр Джон Чандос. Он так отличился в войнах с французами, что с той поры всегда скачет по левую руку от короля. Он был другом

твоему отцу, они вместе были посвящены в рыцари. Если я пошлю тебя ко двору и ты отвезешь ему письмо, он сделает все, что сможет.

Найджел залился краской.

– Нет, нет, госпожа Эрментруда. Я сам должен добыть себе снаряжение, как добыл коня. Я скорее пойду сражаться в этом камзоле, чем приму доспехи от кого-либо другого.

– Вот этого-то я и боялась, Найджел. Но я, право, не знаю, где взять денег, – печально произнесла старая женщина. – При жизни моего отца все было иначе. Я отлично помню, что достать кольчугу было проще простого, потому что их делали в любом английском городе. А затем с каждым годом люди стали все больше заботиться о своем теле, простых кольчуг им сделалось мало, все хотелось чего-то позатейливее – то тут приладить непробиваемую пластину, то там что-нибудь по-особому склепать. А ведь такие штуки приходилось привозить из Толедо либо из Милана. И вот уже рыцарю надо сперва набить металлом кошелек и лишь потом прикрыть им тело.

Найджел с тоской взглянул на старое оружие, висевшее на балках у него над головой.

– Ясеновое копье еще годится, да и дубовый щит, обитый сталью. Сэр Роджер Фиц-Аллен как-то пробовал их и сказал, что давно не встречал ничего лучшего. А вот доспехи...

Леди Эрментруда покачала головой и рассмеялась.

– У тебя широкая душа, Найджел, такая же, как у отца, да вот грудь поуже, а руки и ноги покороче. Отец-то твой был выше и сильнее всех в великом королевском войске. От его доспехов тебе мало проку. Нет, милый сын, у меня на уме другое. Когда придет время, ты продашь этот дом – он совсем разваливается – и наш жалкий клочок земли и пойдешь воевать, чтобы своей собственной рукой заложить основу будущего процветания нового дома Лорингов.

Тень гнева скользнула по молодому свежему лицу.

– Боюсь, нам нелегко будет отделаться от монахов и стряпчих. Как раз сегодня приходил один человек из Гилдфорда с иском от монастыря – еще от той поры, когда был жив отец.

– А где же эти иски, сын мой?

– Все эти бумажки и пергаменты болтаются на ветках кустарника: они у меня полетели по ветру быстрее соколов.

– Ты с ума сошел, Найджел! Разве можно так себя вести? А где этот человек?

– Рыжий Суайер и старый Джон-лучник закинули его в Терслийское болото.

– Увы, боюсь, в наши дни уже нельзя позволять себе подобных выходов. Хотя, конечно, и отец мой, и муж отправили бы его в Гилдфорд без ушей. А сейчас нам, людям благородной крови, не совладать с церковью и законом. Быть беде, Найджел, быть беде. Настоятель Уэверли из тех, кто всегда прикроет щитом церкви ее слуг.

– Сам-то настоятель не сделает нам ничего худого. На наши земли зарится тот тощий серый волчина, ризничий. Что ж, пусть попробует. Я его не боюсь.

– Он владеет таким орудием, Найджел, что и храбrecу из храбrecов надо его опасаться. В его руках отлучение от церкви – гибель для души человеческой. А чем нам защититься от него? Прошу тебя, Найджел, будь с ним учтив.

– Нет, дорогая госпожа. Хотя повиноваться вам – мой долг и радость, я скорее умру, чем стану выпрашивать как милость то, что принадлежит нам по праву. Всякий раз, как я смотрю из окна, я вижу вздымающиеся холмы и богатые луга, поляны и лощины, леса и рощи, и все это было наше еще со времен Вильгельма Завоевателя: он подарил эти угодья Лорингу, который нес его щит на Сенлаке⁹. А потом их отобрали у нас обманом и хитростью, и теперь многие арендаторы куда богаче меня. Но зато никто не скажет, что я спас остатки своего состояния,

⁹ Сенлак – холм под Гастингсом, где 14 ноября 1066 г. Вильгельм Завоеватель разбил короля саксов Гарольда, чье войско выстроилось к бою на этом холме.

подставив голову под ярмо. Пусть монахи делают что угодно, мне же придется выбирать: либо все стерпеть, либо защищаться, не жалея сил.

Старая леди глубоко вздохнула и покачала головой.

– Ты говоришь как истинный Лоринг. Но все же, боюсь, впереди нас ждут большие неприятности. Впрочем, не будем больше об этом. Что толку говорить, если мы ничего не можем сделать? Где твоя цитра? Сыграй и спой мне что-нибудь, пожалуйста.

В те дни мало кто из дворян умел читать и писать, зато все говорили на двух языках, играли хотя бы на одном музыкальном инструменте и обладали уймой других достоинств: умели ухаживать за соколами, были сведущи во всех тонкостях псовой охоты, знали повадки любого зверя и птицы, разбирались, когда можно и когда нельзя на них охотиться. И телом они были крепки: каждый умел проскакать на лошади без седла, вскарабкаться на отвесную стену, окружающую замок, или попасть стрелой в бегущего зайца; и все это приходило как бы само собой. Иначе было с музыкой. Тут требовались долгие часы тяжелой работы. Но наступало время, когда сквайр уже умел управляться со струнами, хотя и слух его, и голос все еще оставляли желать лучшего.

Поэтому Найджелу очень повезло, что у него был всего один слушатель, да еще столь пристрастный. Высоким, чистым голосом, с большим чувством, но то и дело сбиваясь, он запел франко-норманнскую песню, потряхивая в такт музыке русыми кудрями:

Клинок! Клинок! Мне дайте клинок.
Идем в опасный поход.
Пусть рвы глубоки, ворота крепки,
Но сильный все превзойдет.
Пусть со злой судьбой предстоит мне бой —
Мой плюмаж выше стен взлетит.
Все замки отопрем мы стальным ключом.
Или знайте, что я убит.

Коня! Коня! Мне дайте коня.
Пусть умчит он меня в края,
Где кипит война, кровава, страшна,
Но славу стяжаю я.
Направим мы бег от лени и нег,
Вливающих в жилы яд.
По тропам крутым, где слезы и дым,
Но сердце надежды пьянят.

И дух мне в грудь вложите такой,
Чтобы я не бледнел в бою;
Чтоб, ясен и смел, одного хотел —
Честь умножить свою;
Чтобы был терпелив и, в схватку вступив,
Хранил спокойствие в ней.
И страх презирал, и чело склонял
Лишь перед дамой своей¹⁰.

¹⁰ Перевод стихов Ю. Корнеева.

Быть может, чувство захватило старую леди Эрментруду больше, чем музыка, или слух у нее притупился от возраста, только, когда Найджел кончил, она захлопала в иссохшие ладоши и воскликнула скрипучим голосом:

– У Уэдеркота был поистине способный ученик! Спой еще, прошу тебя.

– Нет, дорогая госпожа, теперь ваш черед. Пожалуйста, расскажите что-нибудь из какого-нибудь рыцарского романа, вы их так много знаете. Все годы, что я слушал вас, вы ни один из них не закончили. А в голове у вас, клянусь честью, их побольше, чем во всех толстых книгах, что я видел в Гилдфордском замке. Мне так хочется послушать «Песнь о Роланде», или «Сеньора Изамбара», или «Дона де Майанс»¹¹.

И старая дама начала свое долгое повествование. Сперва речь ее текла неспешно, монотонно; потом, по мере того как события развивались, становилась все живее; наконец лицо старой дамы запылало, руки заметались, и стихи полились рекой. Они говорили о том, как пуста праздная жизнь, как прекрасна геройская смерть, о святости чистой любви, о высоком долге чести. Найджел застыл в кресле, упиваясь пылкими словами, пока они не замерли на устах леди Эрментруды и она в изнеможении не откинулась на спинку кресла. Тогда он склонился над ней и поцеловал ее в лоб.

– Ваши слова всегда будут мне путеводной звездой, – сказал он. Потом пододвинул к очагу шахматный столик и предложил перед отходом ко сну сыграть их обычную партию.

Но их утонченное состояние было внезапно самым грубым образом прервано. Одна из собак насторожилась и залаяла. Остальные, рыча, бросились к двери. Раздалось бряцание оружия, глухой, тяжелый стук в дверь, словно ударили дубинкой или рукоятью меча, и низкий голос приказал именем короля открыть дверь. Старая леди и Найджел вскочили на ноги; столик опрокинулся, и фигуры разлетелись по камышовой подстилке. Рука Найджела потянулась было за арбалетом, но леди Эрментруда удержала его.

– Не надо, милый сын. Ты же слышишь, что это приказ именем короля, – сказала она. – На место, Толбот! Байярд, на место! Найджел, открой дверь ипусти гонца.

Найджел отодвинул засов, и тяжелая деревянная дверь широко распахнулась наружу. Неровный свет факелов упал на стальные шлемы и суровые бородатые лица, замерцал на клинках мечей и желтом дереве луков. В комнату ворвалась дюжина вооруженных лучников. Возглавлял отряд тощий ризничий и полный пожилой человек в красном бархатном камзоле и перепачканных грязью и глиной штанах. В руке ризничий держал большой пергамент, с которого свисало множество печатей. Войдя, он поднял пергамент вверх.

– Я вызываю Найджела Лоринга, – провозгласил он. – Я, слуга королевского закона, выступающий от имени Уэверлийского монастыря, вызываю человека по имени Найджел Лоринг.

– Это я.

– Да, да, это он! – воскликнул ризничий. – Лучники, делайте, что вам приказано!

Отряд тотчас же кинулся на Найджела, как свора гончих на оленя. Найджел отчаянно пытался дотянуться до меча на сундуке. Невероятным усилием скорее духа, чем тела, он протаскивал их всех к сундуку, но ризничий успел перехватить оружие, и тогда им удалось повалить извивающегося Найджела на пол и скрутить веревкой.

– Держите его крепче, храбрые лучники! Держите хорошенько! – закричал стряпчий. – И уберите этих псов: они, того и гляди, вцепятся мне в ноги. Да говорю же вам, держите их! Именем короля! Уоткин, стань тут, между нами. Эти твари так же мало чтут закон, как их хозяин!

Один из лучников отогнал башмаком верных псов. Но не только собаки готовы были встать на защиту дома Лорингов. Из дверей, ведущих в их жилище, показалась кучка полу-

¹¹ Сказания средневекового героического эпоса.

нищих челядинцев Найджела. В былые времена за алыми розами Лорингов последовали бы десяток рыцарей, сорок копейщиков и две сотни стрелков. Теперь же, на этот последний сбор, когда молодой глава дома лежал связанный на полу собственного дома, сбежались паж Чарлз с дубинкой, повар Джон с длинным вертелом, Рыжий Суайер, бывший копейщик, с поднятым над головой топором и Уэдеркот, менестрель, с рогатиной. И все же разношерстный отряд, в котором не умер еще дух этого дома, бросился бы под предводительством старого воина на обнаженные плечи лучников, если бы между ними не встала леди Эрментруда.

Найджел отчаянно пытался дотянуться до меча..

– Остановись, Суайер! – воскликнула она. – Назад, Уэдеркот! Чарлз, возьми на сворку Толбота и оттащи Байярда. – Она метнула сверкающий взгляд в сторону захватчиков, и те попятились. – Кто вы такие, подлые разбойники? Как вы смели, прикрываясь именем короля, поднять руку на того, чья капля крови во сто крат дороже, чем вы все со всеми вашими презренными потрохами?

– Не горячитесь так, госпожа, не горячитесь, пожалуйста! – воскликнул толстый стряпчий. Теперь, когда ему пришлось иметь дело с женщиной, лицо его снова приняло нормальный цвет. – Вспомните, что в Англии существует закон и есть люди, которые ему служат и блюдут его. Они – верные слуги короля, и я – один из них. А еще бывают люди, что хватают таких, как я, и перемещают, или переправляют, или переносят их в болото либо трясины. К таким принадлежит вон тот бесстыдный старик с топором, которого я уже видел сегодня. Бывают и такие, что комкают, рвут и рассеивают по ветру судебные документы. И главный из них вот этот молодой человек. Посему, благородная дама, я посоветовал бы вам не браниться, а понять, что мы – слуги короля и исполняем закон.

– Тогда какое же дело привело вас в мой дом в столь поздний час?

Стряпчий торжественно прочистил горло и, обратив пергамент к свету факелов, стал читать пространный документ на франко-норманнском диалекте, изложенный таким языком и стилем, что самые вычурные и нелепые обороты нашей речи показались бы воплощением простоты и изящества по сравнению с теми, которыми люди в длинных мантиях превращали в неразрешимую загадку то, что более всего на свете требовало языка ясного и понятного. У Найджела от отчаяния захолонуло сердце, лицо старой леди побледнело, когда она услы-

шала длинный, страшный перечень исков, претензий, судебных решений, ходатайств, недоимок, подымного сбора, платы за торф и дрова, который заканчивался требованием передать монастырю все земли, усадьбы и подворья – иначе говоря, все их достояние.

Найджел, все еще связанный, сидел, прислонясь спиной к сундуку. Губы у него пересохла, пот выступил на лбу, когда он услышал ужасный приговор дому, и он разразился такой неистовой речью, что стряпчий даже подскочил на месте.

– Вы еще пожалеете о том, что сделали сегодня вечером! – кричал он. – Хотя мы и бедны, у нас есть еще друзья, они не потерпят, чтобы нам причинили зло. А сам я обращусь с этим делом в Уиндзор, к его величеству королю. Пусть король, на глазах которого пал мой отец, узнает, какое зло сотворили его именем над сыном Лоринга! Дело будет разбираться по закону, в королевском суде. Как-то вы тогда оправдаетесь, что напали на мой дом и на меня самого.

– Ну, это совсем другое дело, – сказал ризничий. – Вопрос о долгах, и верно, может рассматриваться в гражданском суде. А вот то, что вы посмели поднять руку на стряпчего и его бумаги, – преступление против закона и дьявольское нарушение и подлежит аббатскому суду в Уэверли.

– Истинная правда! – воскликнул стряпчий. – Нет на свете греха чернее.

– Поэтому, – продолжал неумолимый монах, – по приказу святого отца настоятеля вы проведете сегодняшнюю ночь в келье монастыря, а завтра предстанете перед ним и капитулом в суде и понесете заслуженное наказание за этот поступок, да и за многие другие дерзкие и непристойные выходки против слуг святой церкви. Довольно слов, достойный господин стряпчий. Лучники, уведите его!

Когда четверо здоровенных лучников поднимали Найджела, леди Эрментруда бросилась было к нему на помощь, но ризничий оттолкнул ее.

– Не подходи, гордячка! Не мешай закону исполнять свое дело и смири сердце свое перед могуществом святой церкви. Неужели жизнь ничему тебя не научила? Ведь ты занимала достойное положение в самом высоком обществе, а скоро у тебя не будет крыши над твоей седой головой. Не подходи, говорю, не то я прокляну тебя.

Старая женщина, стоявшая перед обозленным монахом, пришла в ярость.

– А теперь послушай меня, как я прокляну тебя и всех вас! – закричала она, воздев морщинистые руки и испепеляя его пылающим взглядом. – Да будет тебе от Господа Бога, как дому Лорингов было от тебя! Да сметет вас небо с английской земли! Да станет Уэверлийский монастырь серым прахом на зеленом лугу! Я это вижу, вижу своими старыми глазами! Пусть отныне весь монастырь со всем, что в нем есть, от последнего работника до аббата, от погребов до башен, начнет рушиться и гибнуть.

Как ни стоек был суровый монах, но и он дрогнул перед неистовой силой этой женщины, перед ее горькими, обжигающими словами. Стряпчего, арестованного и лучников уже не было в доме. Ризничий повернулся и, хлопнув тяжелой дверью, тоже вышел.

Глава V

Как настоятель Уэверлийского монастыря судил Найджела

Средневековые законы, написанные на невразумительном старом франко-норманнском диалекте, изобилующие неуклюжими оборотами и непонятными словами, вроде «юрисдикция над своими и чужими подданными», «конфискация», «виндикация» и другими, подобными им, были страшным оружием в руках тех, кто умел ими пользоваться. Не напрасно восставший народ первым делом отрубил голову лорду-канцлеру. В то время, когда лишь немногие умели читать и писать, туманные выражения и запутанные обороты законов, пергамент, на котором они были написаны, и таинственные печати вселяли ужас в сердца, отважно противостоявшие любой физической опасности.

Даже жизнерадостный и легкий духом Найджел пришел в уныние, когда лежал той ночью в монастырской тюрьме Уэверлийской обители. Он думал о неминуемом полном разорении своего дома и о силах, которые не могли побороть все его мужество. Пытаться противостоять тлетворной власти святой церкви – все равно что с мечом и щитом сражаться против черной смерти. В руках церкви он был совершенно беспомощен. Она уже давно отхватывала у них то лес, то поле, а теперь разом заберет все остальное. Что станет с домом Лорингов, где теперь леди Эрментруде преклонит седую голову, куда деваться его старым, больным слугам, где доживать им остаток дней своих? От этой мысли он задрожал.

Ну, хорошо, он пригрозил, что обратится к самому королю. Но с той поры, как король Эдуард в последний раз слышал имя его отца, прошли годы, а Найджел знал, как коротка память царственных особ. К тому же власть церкви простиралась не только на хижины, но и на дворцы, и нужны были очень веские причины, чтобы вынудить короля пойти против интересов такого важного духовного лица, как настоятель Уэверлийского монастыря, коль скоро тот действовал по закону. Где же ему искать поддержки? В простоте наивной веры тех времен он стал взывать о помощи к своим святым: св. Павлу – Найджелу сызмала полюбились его злоключения на суше и на море; св. Георгию, который так прославился победой над драконом; св. Фоме, благородному рыцарю, который бы понял другого человека благородной крови и помог ему. Эти наивные молитвы успокоили Найджела, он уснул и проспал здоровым сном юности, пока его не разбудил монах, принесший ему завтрак – хлеб и слабое пиво.

Аббатский суд собрался в капитуле в три часа по каноническому счету, то есть в девять утра. Это всегда было торжественное действо, даже если преступник был низшего звания – крепостной, попавшийся за браконьерство в монастырских владениях, или странствующий торговец, который плутовал с весами. Но теперь, когда предстояло судить человека благородного происхождения, все, что предписывал ритуал, исполнялось самым строжайшим образом – все мелочи судебного и церковного церемониала, со всеми их нелепыми и впечатляющими подробностями. Под звуки музыки, долетавшей из церкви, и тяжелый звон монастырского колокола братия, облаченная в белые одежды, парами трижды обошла зал с пением *Bénédicite*¹² и *Veni, Creator*¹³ и расселась по своим местам по обе стороны зала. Затем, соблюдая старшинство сана, торжественно вошли и уселись на свои обычные места монахи, занимавшие высокие должности: раздаватель милостыни, чтец, капеллан, помощник приора и приор.

¹² Благослови (*лат.*) – католический аналог православной молитвы «Благослови, душе моя, Господи».

¹³ Грядет, Творец (*лат.*) – католический аналог православной молитвы: «Се жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща».

Наконец в зал проследовал мрачный ризничий, низко опущенное лицо которого светилось сдержанным торжеством, и следом за ним сам аббат Джон. Он шел неторопливо, важно, лицо его было спокойно и торжественно; с пояса свисали железные четки, в руке был требник. Шепча молитву, он готовился приступить к дневным обязанностям. Настоятель встал на колени на высокую молитвенную скамеечку. По знаку приора монахи распростерлись на полу, и их низкие, глубокие голоса вознеслись в молитве, плавно отдаваясь от сводчатого потолка, как волны откатываются от бухты на берегу океана. Потом монахи снова заняли свои места, и тут же, с перьями и пергаментом, вошли писцы в подобающих им черных рясах; появился стряпчий в красном бархатном камзоле – ему предстояло изложить дело. Наконец ввели Найджела, окруженного лучниками. И вот, после бесконечных заклинаний на старофранцузском языке и столь же бесконечных и непонятных заклинаний по-латыни, аббатский суд приступил к делу.

Первым к скамье для свидетелей подошел ризничий. Сухо, жестко, бесстрастно он изложил претензии Уэверлийского монастыря к семье Лорингов. Еще несколько поколений назад один из Лорингов в уплату долга, а также в благодарность за оказание каких-то духовных милостей признал за монастырем определенные феодальные права на свои владения. И ризничий показал пожелтевший ломкий пергамент с болтающимися свинцовыми печатями, на котором и основывался иск монастыря. Среди других обязательств, принятых на себя Лорингами, была и ежегодная плата за содержание одного всадника. Плата эта никогда не вносилась и всадника никто не содержал, но долг накапливался и теперь превышал стоимость поместья. Были и другие претензии. Ризничий приказал принести книги и, водя по листам худым нетерпеливым пальцем, все их перечислил: налог на одно, пошлина на другое; столько-то шиллингов в этом году и столько-то ноблей в том. Одни счета относились еще ко времени до рождения Найджела, другие – когда он был ребенком. Все они были выверены и скреплены подписями стряпчего.

Слушая этот грозный перечень, Найджел почувствовал себя как молодой олень, который, приняв оборонительную позу, с пылающим сердцем отчаянно защищается, но видит, как кольцо врагов становится тесней, и знает, что спасенья нет. Гордо поднятая голова Найджела, смелое молодое лицо говорило о том, что это отпрыск славного древнего рода. А лучи солнца из высокого круглого окна, падая на его изношенный, засаленный, некогда нарядный камзол, свидетельствовали о том, что дни славы и процветания этого рода давно миновали.

Ризничий закончил речь, и стряпчий уже хотел было дать свое заключение, против которого Найджелу при всем желании нечего было бы возразить, как вдруг ему пришла помощь, и притом оттуда, откуда ее меньше всего можно было ожидать. Возможно, причиной тому было излишнее злорадство ризничего, перечислявшего свои обвинения, или свойственное дипломатам неприятие крайних мер, а может быть, просто искренний порыв доброты: аббат Джон, хотя и был вспыльчив, отходил легко. Словом, каковы бы ни были причины, только настоятель поднял белую полную руку и властным жестом показал, что дело окончено.

– Учинив этот иск, – сказал он, – брат ризничий исполнил свой долг, ибо его благочестивому попечению доверено блюсти мирское состояние монастыря, и с него должны мы спросить, если оно понесет какой-либо ущерб, – ведь мы лишь доверенные тех, кто придет вслед за нами. Я же облечен ответственностью более драгоценной – за дух и репутацию тех, кто следует уставу святого Бернарда. Так вот, с тех дней, когда преподобный основатель нашего ордена спустился в долину Клерво¹⁴ и там построил себе келью, мы стараемся быть для всех примером смирения и милосердия. Именно потому мы строим жилища в низинах, не возводим башен при наших монастырских церквах, не носим украшений, и никакие металлы, кроме железа и свинца, не проникают в наши пределы. Члену нашего ордена надлежит есть из деревянной

¹⁴ Клерво – деревня во Франции, знаменитая аббатством, основанным св. Бернардом, который с 1115 г. был его настоятелем и там же погребен.

миски, пить из железной чаши и довольствоваться свинцовым светильником. Воистину орден, который ищет блаженства, дарованного смиренному, не должен быть судьей в своей же тяжбе с соседом и желать его земли. Если дело наше правое, – а я верю, что так оно и есть, – было бы лучше, чтобы его рассмотрел королевский суд в Гилдфорде. И посему я постановляю: прекратить рассмотрение дела в аббатском суде и передать его в другой суд.

Найджел про себя вознес благодарственную молитву своим стойким святым, которые так мужественно и так удачно охраняли его в час невзгоды.

– Аббат Джон, – ответил юноша, – не думал я, что человеку с моим именем доведется когда-нибудь обратиться к цистерцианцу из Уэверли. Клянусь святым Павлом, сегодня вы поступили как мужчина. Ведь разбирать дело об иске монастыря в монастырском суде – все равно, что играть фальшивыми костями.

Восемьдесят братьев в белых рясах неодобрительно, но с интересом слушали, как Найджел смело и прямо говорил с лицом, которое им, обреченным влачить жалкую жизнь, казалось прямым заместителем Бога на земле. Лучники отступили от Найджела, словно давая ему дорогу, но тут тишину нарушил громкий голос стряпчего.

– Святой отец настоятель, – произнес он, – ваше решение воистину *secundum legem*¹⁵ и *intra vires*¹⁶, что касается гражданского иска вашего монастыря. И ваше дело, как его решать. Но я, стряпчий Джозеф, с которым обошлись жестоко и преступно, у которого отняли и уничтожили все записи, бумаги и другие документы, над достоинством которого глумились, которого протащили по болоту, топи или трясине, так что он потерял свой бархатный камзол и серебряный знак служебного достоинства, которые теперь, как думается, покоятся в вышеупомянутом болоте, топи или трясине, каковые болото, топь или трясина являются...

– Довольно! – возвысил голос настоятель. – Оставьте глупые разглагольствования и скажите прямо, чего вы хотите.

– Святой отец, я страж королевского закона, но и верный слуга святой церкви, и мне не дали, помешали и воспрепятствовали исполнить мои законные, прямые обязанности, а мои бумаги, написанные от имени короля, были разорваны, изодраны в клочки и пущены по ветру. Посему я требую, чтобы этого человека судил аббатский суд, ибо вышеозначенный разбой был совершен в пределах юрисдикции аббатского суда.

– А что можете сказать об этом вы, брат ризничий? – спросил настоятель в легком замешательстве.

– Я сказал бы, святой отец, что мы можем быть добры и милосердны в том, что касается нас самих; но там, где дело идет о слуге короля, мы пренебрегли бы своими обязанностями, если бы отказали ему в защите, в которой он нуждается. Я также напомнил бы вам, святой отец, что это не первая дерзкая выходка молодого человека: ему уже случалось колотить наших слуг, сопротивляться нашей власти и пускать щук в собственный садок настоятеля.

Обида была еще свежа в памяти прелата, и его полные щеки вспыхнули. Он сурово взглянул на пленника.

– Скажите мне, сквайр Найджел, это правда, что вы напустили в мой садок щук?

Молодой человек гордо выпрямился.

– Прежде чем я отвечу на этот вопрос, отец аббат, не ответите ли вы на мой: что хорошего я видел от уэверлийских монахов и почему бы мне не стараться вредить им где только можно?

По залу прошел ропот – монахов то ли удивила его откровенность, то ли разгневала дерзость.

Настоятель уселся поплотнее, как человек, принявший решение.

¹⁵ Законно (лат.).

¹⁶ Правомочно (лат.).

– Изложите свою жалобу, стряпчий, – сказал он. – Правосудие свершится, и обидчик понесет наказание, кто бы он ни был – простолюдин или благородный человек. Изложите суду иск.

Рассказ законника, хоть бессвязный и пересыпанный юридическими оборотами, был, в сути своей, совершенно ясен.

Привели Рыжего Суайера. Его обрамленное седой щетиной лицо покраснело от злости, когда его заставили признаться в непотребном обращении со служителем короля. Подстрекал его к этому и помогал еще один преступник – сухощавый, низкорослый, смуглый лучник из Чэрта. Но оба в один голос заявили, что сквайр Найджел Лоринг знать ничего не знал об этом. Однако против молодого человека было еще одно не очень приятное обвинение – в уничтожении бумаг: и Найджел, которому претила всякая ложь, вынужден был признать, что изорвал эти высочайшие документы собственными руками. Но гордость не позволяла ему ни объяснить, ни оправдать этот поступок. Лицо настоятеля омрачилось, а ризничий уставился на пленника с насмешливой улыбкой. В капитуле воцарилась торжественная тишина: дело было рассмотрено, оставалось лишь вынести приговор.

– Сквайр Найджел, – произнес настоятель, – вам, кто, как всем здесь хорошо известно, происходит из древнейшего на этой земле рода, подобало бы подавать другим пример добродетельного поведения. Вместо этого ваш дом всегда был средоточием волнений и смуты; теперь же, не довольствуясь грубыми выпадами против нас, цистерцианских монахов Уэверли, вы открыто выказали свое презрение к закону короля и руками своих слуг нанесли оскорбление лицу, его представляющему. За такие поступки я мог бы призвать на вашу голову все духовные кары церкви. И все же я не буду к вам жесток – вы еще молоды, а на прошлой неделе спасли от смертельной опасности жизнь одного из монастырских слуг. Поэтому я применю к вам меры временные и телесные, чтобы обуздать ваш дерзкий дух и сдержать своевольные дикие порывы, каковые привели к столь непристойным поступкам по отношению к нашему монастырю. С сего дня до праздника святого Бенедикта вы будете полтора месяца сидеть на хлебе и воде и каждодневно слушать назидания нашего капеллана, святого отца Амвросия. Быть может, это заставит вас склонить упрямую голову и смягчить ожесточенное сердце.

Едва был оглашен этот позорный приговор, обрекавший гордого наследника дома Лорингов на участь последнего деревенского браконьера, кровь бросилась Найджелу в лицо, глаза сверкнули, и он посмотрел вокруг взглядом, который лучше всяких слов говорил, что так легко он не покорится своей участи. Он дважды пытался заговорить и дважды от гнева и стыда не мог произнести ни слова.

– Я не ваш подданный, надменный аббат! – воскликнул он наконец. – Мы всегда были королевскими вассалами. Ни за вами, ни за вашим судом я не признаю права выносить мне приговор. Наказывайте своих монахов, которые начинают скулить, стоит вам нахмурить брови, но не пытайтесь поднять руку на того, кто вас не боится. Я свободный человек и равен любому, кроме короля.

Казалось, на мгновение дерзкие слова и высокий, сильный голос Найджеля привели настоятеля в замешательство. Но более стойкий ризничий, как всегда, помог ему укрепить волю; снова подняв старый пергамент, он обратился к Найджелу:

– Да, вы правы, Лоринги действительно были когда-то вассалами короля. Но вот тут стоит печать Юстаса Лоринга, которая свидетельствует, что он стал вассалом монастыря и принял от него землю.

– А все потому, что он был благородный человек, чуждый хитрости и коварства! – воскликнул Найджел.

– Нет, – вмешался законник. – Если мне позволено будет сказать, отец аббат, для закона не имеет значения, как и почему сделка была совершена, подписана или зафиксирована: суд рассматривает только условия, статьи и договоры каждого дела.

– Кроме того, – добавил ризничий, – приговор вынесен аббатским судом, и если он не будет приведен в исполнение, чести и доброму имени суда будет нанесен непоправимый ущерб.

– Брат ризничий, – сердито перебил настоятель, – мне думается, вы слишком усердствуете в этом деле. Право, мы и без твоих советов сумеем соблюсти честь и достоинство монастыря. А что до вас, почтенный стряпчий, вы изложите свое мнение не раньше, чем вас попросят, а не то вам придется на себе почувствовать силу нашего суда. Ваше дело закончено, сквайр Лоринг, и приговор вынесен. Все.

Аббат сделал знак, и один из лучников положил руку на плечо пленника. Грубое прикосновение плебея вызвало бурю негодования в душе у Найджела. Из всех его благородных предков ни один не подвергался подобному унижению! Каждый предпочел бы смерть! Неужто ему суждено стать первым, кто унизит их дух и традиции? Быстро и ловко он выскользнул из-под руки лучника и выхватил короткий прямой меч, висевший у того на боку. В следующий момент он вскочил в нишу одного из окон и, держа меч наготове, с побледневшим лицом, сверкая глазами, обернулся к собранию.

– Клянусь святым Павлом! – воскликнул он. – Вот уж никогда не думал, что смогу под крышей монастыря совершить славный подвиг, но, кажется, мне придется это сделать, прежде чем вы упрячете меня в свою темницу.

В капитуле поднялся шум и гам. Никогда еще за всю долгую, достойную историю монастыря в его стенах не происходило ничего подобного. На миг могло показаться, что и самих монахов обуял дерзкий дух мятежа. От такого неслыханного вызова, брошенного власти, их собственные пожизненные оковы как бы стали свободнее. Они повскакали с мест и в каком-то полуйспуге-полувоисторге столпились широким полукругом перед взбунтовавшимся пленником, крича, размахивая руками, гримасничая. Неслыханный скандал! Много долгих недель поста, покаяния и самобичевания должно было миновать, прежде чем тень этого дня сошла с Уэверли. А пока никто не сделал и попытки призвать монахов к порядку, повсюду царили хаос и неразбериха. Настоятель оставил судейское место и в гневе поспешил вперед, но толпа его собственных монахов тут же обступила и поглотила его, и он исчез, как неловкая овчарка среди стада овец.

Спокойствие сохранял только ризничий. Он укрылся за спинами лучников, которые в нерешительности, но с явным одобрением взирали на дерзкого смельчака, бежавшего от правосудия.

– Вперед! – закричал ризничий. – Не посмеет же он ослушаться решения суда! Или вы шестеро испугались одного! Окружайте его и хватайте! Бэddlзмир, ты что там прячешься за спинами?

Бэddlзмир, высокий человек, с густой бородой, одетый, как все, в короткую зеленую куртку и штаны и высокие коричневые сапоги, стал медленно подходить к Найджелу с мечом в руке. Душа его не лежала к этому делу – церковные суды не пользовались любовью народа, зато все сожалели о падении некогда процветавшего дома Лорингов и всей душой желали добра его молодому наследнику.

– Послушайте, молодой сэр, вы уже наломали дров. Выходите-ка и сдавайтесь, – сказал он.

– Что ж, подойди и попробуй взять меня, приятель, – ответил Найджел и угрожающе улыбнулся.

Лучник бросился вперед. Послышался скрежет стали, быстро, как вспышка пламени, сверкнул клинок, и стрелок отшатнулся. Но руке его текла кровь и капала с пальцев на пол. Он зажал рану и выругался по-саксонски.

– Черт побери! – воскликнул он. – Уже лучше я суну руку в нору и попробую оторвать лису от ее щенков.

– Не подходи! – отрывисто бросил Найджел. – Я не желаю тебе зла, но, клянусь святым Павлом, так просто меня не взять, а если попробуешь, пеняй на себя.

Он вжался в узкую нишу окна, угрожающе подняв меч. Глаза его горели такой яростью, что кучка лучников в растерянности не знала, что делать. Тогда настоятель, побагровев от чувства оскорбленного достоинства, раздвинул толпу, прошел и стал рядом с ними.

– Отныне этот человек вне закона, – провозгласил он. – Он пролил кровь в суде, такой грех не знает прощенья. Я не потерплю глумленья над судом. Никто здесь не посмеет уйти от его приговора. Поднявший меч от меча да погибнет. Лесник Хью, приготовь лук!

Лесник, один из наемных слуг монастыря, навалившись всем телом, согнул свой длинный лук и закрепил свободный конец тетивы на верхней зарубке. Потом, достав из-за пояса одну из страшных трехфутовых стрел со стальным наконечником и блестящим оперением, приладил ее к тетиве.

– Теперь подними лук и держи наготове, – приказал разъяренный настоятель, – сквайр Найджел, святой церкви не пристало проливать кровь, но насилие можно одолеть только насилем, и да падет грех на вашу душу. Бросьте меч!

– А вы дадите мне уйти из монастыря?

– Только после того, как вы отбудете наказание и очиститесь от греха.

– Тогда я скорее умру на месте, чем отдам меч.

Грозный огонь вспыхнул в глазах настоятеля. Он происходил из воинственного норманнского рода, как и многие другие суровые прелаты, которые с булавой в руках, чтобы самим не проливать кровь, вели отряды в бой, ни на мгновение не забывая, что исход долгого кровавого сражения при Гастингсе решил именно человек их сана и достоинства с епископским посохом в руках. В миг исчезли мягкие монашеские интонации, и твердый голос воина произнес:

– Даю вам одну минуту. Затем, когда я скоманую «Стреляй!», пусти в него стрелу.

Стрела была наготове, лук наведен, а суровые глаза лучника устремлены на цель. Медленно проходила минута. Найджел про себя молился всем трем своим воинственным святым – не затем, чтобы они спасли его тело в этой жизни, а чтобы позаботились о его душе в иной. Ему пришло было в голову попытаться бежать, но он тут же понял, что не успеет выбраться из своего убежища, как его прикончат. И все-таки в конце концов он рискнул бы броситься на своих врагов и уже изготовился к прыжку, как вдруг тетива лука почему-то лопнула, издав глубокий, чистый звук наподобие струны арфы, и стрела со звоном ударилась о плиты пола. В тот же миг молодой курчавый лучник, широкоплечий и широкогрудый, по всей видимости невероятно сильный, с открытым, приветливым лицом и честным взглядом карих глаз, говорившим об отваге и добродушии, обнажив меч, бросился вперед и встал рядом с Найджелом.

– Ну нет, друзья, – крикнул он, – не станет Сэмкин Эйлвард стоять и смотреть, как смельчака убивают, словно затравленного зверя! Пятеро на одного – не очень-то справедливо. Вот двое против четверых уже лучше. Клянусь своими десятью пальцами, мы со сквайром Найджелом оставим этот зал вместе, будь то на своих ногах или нет.

Устрашающий вид союзника унял и без того не слишком пылкое рвение нападающих. В левой руке Эйлвард держал натянутый лук, а все знали, что от Вулмерского леса до Уэлда он – самый быстрый и самый меткий стрелок и валит бегущего оленя с двухсот шагов.

– Ну-ка, Бэддлзмир, убери пальцы со спуска, не то как бы твоей правой руке не пришлось поотдыхать пару месяцев, – сказал Эйлвард. – Мечами – пожалуйста, друзья, но стрелы, клянусь, никто не выпустит, прежде чем не полетит моя.

От этой новой помехи новая волна ярости захлестнула сердца настоятеля и ризничего.

– Недобрым будет этот день для твоего отца-арендатора, Эйлвард, – прошипел ризничий. – Он еще пожалеет, что зачал сына, из-за которого потеряет в Круксбери и землю и кров.

– Мой отец – храбрый человек. Он пожалел бы еще больше, если б его сын допустил, чтоб на его глазах совершилось грязное дело, – твердо ответил Эйлвард. – Ну, друзья, навались, мы готовы.

Памятуя об обещанной награде, если им случится пасть, служа монастырю, и о грозящем наказании, если они не выполнят свой долг, четверо лучников уже приготовились к атаке, как вдруг неожиданное обстоятельство придало делу совсем другой оборот.

Пока в капитуле разворачивались эти воинственные сцены, в дверях скопилась целая куча всякого народа – монахи, братья-миряне, слуги, – и все с живым интересом, как люди, вырвавшиеся из тусклой рутины жизни, наблюдали за развитием драмы. И вот в дальних рядах что-то вдруг пришло в движение, движение быстро сместилось в центр толпы, наконец кто-то стремительно раздвинул передние ряды, и в проходе появился необыкновенного, изысканного вида незнакомец. С самого своего появления он как бы встал и над капитулом, и над монастырем, над монахами, прелатом, лучниками, словно безраздельный повелитель всего и вся.

Это был человек чуть старше среднего возраста, с жидкими волосами лимонно-желтого цвета, загнутыми кверху усами и бородкой клинышком того же цвета. Над удлиненным, изрытым глубокими морщинами лицом выступал огромный, крючковатый, словно орлиный клюв, нос. От постоянного пребывания на солнце и на ветру кожа незнакомца покрылась бронзовым загаром. Он был высок ростом, худ и подвижен, но в то же время жилист и крепок. Один глаз у него был полностью закрыт веком; веко было плоское – оно прикрывало пустую глазницу. Зато другой глаз быстро и насмешливо охватил сразу всю сцену. В нем так ярко светились живой ум, насмешливость и ирония, словно весь огонь души рвался наружу через эту узкую щель.

Наряд его был столь же достоин внимания, сколь и он сам. На отворотах лилового камзола и плаща виднелись непонятные пурпурного цвета эмблемы, имевшие форму клинков. С плеч ниспадало дорогое кружево, а в его складках тускло мерцало красное золото тяжелой цепи. Рыцарский пояс на талии и рыцарские золотые шпоры, поблескивавшие на замшевых сапогах, без слов говорили о его высоком положении. На левом запястье, на латной рукавице, смирно сидел, в клобуке, маленький сокол той породы, что сама по себе была как бы знаком высокого достоинства его хозяина. При нем не было никакого оружия; только за спиной на черной шелковой ленте висела гитара; ее длинный коричневый гриф выступал у него из-за плеча. Вот такой человек, в изысканном и властном облике которого чувствовалась грозная сила, стоял и взирает на две кучки вооруженных людей и разозленных монахов. Его насмешливый взгляд сразу приковал к себе всеобщее внимание.

– Excusez!¹⁷ – картаво произнес он по-французски. – Excusez, mes amis!¹⁸ Я полагал, что отвлеку вас от молитвы и размышлений, однако мне еще не доводилось видеть под кровлей монастыря таких святых упражнений – с мечами вместо требников и лучниками вместо слуг. Боюсь, что прибыл не вовремя, однако я приехал с поручением от того, чьи дела не терпят отлагательства.

Настоятель да, пожалуй, и ризничий начали понимать, что дело зашло слишком далеко – гораздо дальше, чем они намеревались, и что им будет нелегко без громкого скандала сохранить свое достоинство и доброе имя Уэверли. Поэтому, несмотря на некоторое отсутствие любезности и даже просто непочтительные манеры незнакомца, они очень обрадовались его появлению и вмешательству в события.

– Я – настоятель Уэверлийского монастыря, сын мой возлюбленный, – сказал прелат. – Если поручение ваше может быть достоянием гласности, его следует передать здесь, в капитуле, если же нет, я приму вас в своих покоях, ибо я вижу, что вы человек благородной крови и рыцарь и не стали бы без всякой причины вмешиваться в дело нашего суда, дело, которое, как

¹⁷ Извините! (фр.)

¹⁸ Извините, друзья! (фр.)

вы справедливо заметили, малоприятно миролюбивым людям вроде меня самого или братьев ордена святого Бернарда.

– Pardieu¹⁹, отец аббат! – ответил незнакомец. – Стоит только взглянуть на вас и ваших монахов, чтобы увидеть, что это дело и впрямь вам не по душе. А еще меньше оно придется вам по вкусу, если я скажу, что скорее сам вступлюсь за благородного юношу, что стоит в нише, чем дам вашим лучникам его прикончить.

При этих словах настоятель перестал улыбаться и нахмурился.

– Вам более пристало бы, сэр, поскорее передать поручение, с которым, как вы говорите, вы прибыли, нежели защищать подсудимого от справедливого приговора суда.

Незнакомец обвел суд вопрошающим взглядом.

– Поручение мое не к вам, добрый отец аббат, а к одному лицу, мне незнакомому. Я был у него в доме, и меня послали сюда. Его зовут Найджел Лоринг.

– Это я, досточтимый сэр.

– Я так и подумал. Я знал вашего отца, Юстаса Лоринга, и хотя он был вдвое крупнее вас, печать его яснее ясного лежит на вашем лице.

– Вы не знаете, в чем тут дело, – вмешался настоятель. – Если вы, сэр, человек честный, вы не станете на его сторону, ибо он злостно нарушил закон, и не подобает верным подданным короля за него вступаться.

– И вы притащили его в суд! – весело воскликнул незнакомец. – Вот уж поистине грачи учинили суд над соколом! Да, вижу, вы уже поняли, что судить его легче, чем наказать. Позвольте заметить вам, отец аббат, что суд ваш неправый. Лицам вашего сана право суда было дано для того, чтобы вы могли обуздать разбушевавшегося подчиненного или пьяницу-лесника, а не для того, чтобы тащить на свое судилище благороднейшего человека Англии, да еще ставить его под стрелы своих лучников, если он не согласен с вашим решением.

Настоятель не привык к столь строгому порицанию своих действий в стенах собственной обители, да еще перед монахами.

– Ну что ж, быть может, вам придется самому убедиться, что аббатскому суду дано значительно больше власти, чем вы полагаете, сэр рыцарь, – возразил он. – Впрочем, я еще не знаю, в самом ли деле вы рыцарь, – ваша непочтительная и грубая речь позволяет в этом усомниться. А посему, прежде чем мы продолжим разговор, благоволите назвать свое имя и звание.

Незнакомец рассмеялся.

– А вы и вправду мирный народ, – гордо бросил он. – Покажи я этот знак, – и он дотронулся до эмблемы на отвороте камзола, – на щите ли, на рыцарском ли знамени, и любой солдат, будь то во Франции или в Шотландии, тут же узнал бы красное острие копья Чандосов.

Чандос, сам Джон Чандос, цвет и гордость английского странствующего рыцарства, герой более чем пятидесяти отчаянных стычек, человек, которого чтит вся Европа! Найджел смотрел на него, не веря своим глазам. Лучники в замешательстве сделали шаг назад, а монахи подались вперед, чтобы получше разглядеть героя французских войн. На лице настоятеля гнев сменился улыбкой, и он снова заговорил, но уже куда более мягким тоном:

– Мы действительно люди мирные, сэр Джон, и не очень разбираемся в воинственной геральдике. И все же, как ни крепки стены монастыря, слава о ваших подвигах проникла сквозь их толщу и дошла до наших ушей. Если вы пожелали удостоить вниманием этого сбившегося с пути молодого сквайра, нам не пристало препятствовать вашим благим намерениям или отказывать вам в просьбе. Я очень рад, что у него будет друг, который может подать ему достойный пример.

¹⁹ Черт возьми (*фр.*).

– Благодарю вас за любезность, добрейший отец аббат, – небрежно уронил Чандос, – но у этого юноши есть друг более достойный, чем я. Он куда добрее к тем, кого любит, и страшнее для тех, кого ненавидит. А я только его посланец.

– Не соблаговолите ли сказать мне, добрый и почтенный сэр, – обратился к нему Найджел, – в чем состоит ваше поручение?

– Оно состоит в том, *mon ami*, что ваш друг скоро прибудет в здешние края и желает провести ночь под кровлей вашего дома в Тилфорде в знак любви и уважения, которые он питает к вашей семье.

– Он всегда будет желанным гостем в моем доме, – ответил Найджел, – но все же я хотел бы, чтобы он был из тех, кто умеет находить удовольствие в скудном солдатском ночлеге под кровом жалкого жилища. Мы сделаем все, что в наших силах, хотя это будет очень мало.

– Он сам солдат, и солдат отличный, – сказал Чандос со смехом. – Ручаюсь, ему пришлось спать и не в таких местах, как ваш Тилфордский дом.

– У меня мало друзей, достойный сэр, – в недоумении заметил Найджел. – Пожалуйста, скажите мне, как его зовут.

– Эдуард.

– Это, верно, сэр Эдуард Мортимер из Кента? Или, может быть, сэр Эдуард Брокас, о котором часто рассказывает леди Эрментруда?

– Нет, нет, его зовут просто Эдуард. А если вы так уж хотите знать фамилию, так она – Плантагенет²⁰. Тот, кто просит о ночлеге под вашей кровлей, – ваш и мой повелитель, его королевское величество Эдуард Английский.

²⁰ *Плантагенеты* – династия английских королей, правивших страной с 1154 по 1399 г. Родоначальником ее был Жоффруа V, граф Анжуйский, прозванный Плантагенетом, потому что любил украшать свой шлем веточкой дрока (*лат.* – *planta genista*).

Глава VI

Леди Эрментруда открывает железный сундук

Удивительные, невероятные слова доносились до Найджела словно во сне. И, словно во сне, он видел, как пригнулся ризничий, как отряд лучников раздвинул закупорившую было проход в капитул пеструю толпу и расчистил путь для него и для королевского посланца. Спустя минуту он уже шел рядом с Чандосом мимо мирных келий. Перед ним высилась арка распахнутых настежь ворот, а дальше, через зеленые луга, шла широкая песчаная дорога. Пережив леденящий ужас от ожидания бесчестия и тюрьмы, который только что сжимал его сердце, Найджел с особой остротой почувствовал, как сладок и прозрачен весенний воздух. Они уже миновали главный вход, как вдруг кто-то тронул Найджела за рукав. Он обернулся и увидел перед собой славное загорелое лицо кареглазого лучника, который так неожиданно пришел ему на помощь.

– Ну, сэр, что же вы мне-то скажете? – спросил Эйлвард.

– А что я могу сказать, добрый человек? Только от всей души поблагодарить тебя. Клянусь святым Павлом, будь ты мне даже кровным братом, ты не мог бы сделать для меня больше, чем сделал.

– Ясное дело. Только этого мало.

Найджел так и вспыхнул от стыда и досады, тем более что разговор этот, чуть улыбаясь, слушал Чандос.

– Если бы ты слышал, что говорили в суде, ты бы знал, что я не из тех, кто осыпан земными благами. Черная смерть заодно с монахами совсем разорила мои земли. Я охотно дал бы тебе за помощь пригоршню золотых, если это то, чего ты хочешь, да только у меня нет золота, а посему тебе придется удовольствоваться моей благодарностью.

– Не нужно мне вашего золота, – отрезал Эйлвард, – и вам никогда не купить моей верности, даже если б вы наполнили мне суму ноблями с розой²¹, не придись вы мне по душе. Я видел, как вы укротили соловую лошадь и как без всякого страха говорили с настоятелем. Мне как раз и нужен такой хозяин – я с радостью стану вам служить, если только у вас найдется для меня место. Посмотрите на ваших слуг – сразу видать, крепкие были ребята при вашем деде. А кто из них сейчас натянет тетиву до самого уха? Я вот из-за вас потерял службу в монастыре, – где мне ее искать? Если я останусь тут, пропадать мне, как истертой тетиве.

– Ну, место тебе найдется, – вмешался Чандос. – Такой храбрый и дерзкий лучник не останется без дела за французским рубежом. У меня две сотни таких, и я буду рад, если среди них окажешься и ты.

– Благодарю вас, благородный сэр, за предложение, – ответил Эйлвард. – Я тоже встал бы под ваше знамя охотней, чем под чье-либо еще, – все ведь знают, что оно всегда впереди. К тому же я довольно наслушался о войне и знаю, что отстающему мало что перепадает. Но все же, если б сквайр Найджел взял меня к себе, я пошел бы воевать под розами Лорингов: хоть я и родился в Изборнской общине в округе Чичестер, вырос-то я в здешних краях, здесь научился управляться с луком и, как сын свободного землепашца, хотел бы лучше служить своему соседу, чем чужаку.

– Добрый человек, – повторил Найджел, – я уже говорил, мне нечем платить тебе за службу.

– Вы только возьмите меня на войну, а там я сам позабочусь о плате. А пока что дайте мне место в углу вашего стола да шесть футов пола, не то за сегодняшнюю услугу монастырю

²¹ Золотые монеты короля Эдуарда III, на которых была вычеканена роза.

я наверняка получу плеть на спину да колодки на ноги. С этого часа Сэмкин Эйлвард – ваш человек, сквайр Найджел, и, клянусь всеми своими десятью пальцами, пусть дьявол утащит мою душу, если вы когда-нибудь пожалеете, что взяли меня на службу.

Говоря это, он поднес руку к стальному шлему, закинул за спину желтый лук и двинулся вслед за своим новым хозяином.

– *Pardieu!* Я, кажется, прибыл *a la bonne heure*²², – сказал Чандос. – Я прискакал из Уиндзора к вам в дом и увидел, что там никого нет, кроме славной старой леди, которая рассказала мне о ваших бедах. От нее я пошел в монастырь и поспел как раз вовремя – дело принимало скверный оборот, стрелы уже были готовы, чтобы поразить ваше тело, а колокол, Библия и свечи поджидали вашу душу... Но вот, если не ошибаюсь, и сама старая леди.

И верно, в дверях дома показалась грозная фигура леди Эрментруды; иссохшая, согбенная, она шла, тяжело опираясь на палку. Узнав о поражении, которое потерпел аббатский суд, она хрипло рассмеялась и погрозила серой громаде палкой. Затем они проследовали в залу, где в честь знаменитого гостя на стол было выставлено все лучшее, что сыскалось в доме. В жилах хозяйки тоже текла кровь Чандосов. Она прослеживалась через родство с де Греями, де Малтонами, де Валенсами, де Монтегю и другими знатными и славными родами. Они успели поесть, а слуги убрать со стола, прежде чем леди Эрментруда описала все хитросплетения браков и родственных связей, все геральдические подробности – поля, стропила, перевязи, – которые позволяли по гербам установить их общее происхождение. Леди Эрментруда знала все о каждой ветви и каждом отпрыске любого благородного родословного древа не только после Завоевания, но и до него.

Когда столы были убраны и они остались в зале втроем, Чандос передал леди Эрментруде поручение короля.

– Король Эдуард всегда вспоминает о вашем сыне, благородном рыцаре сэре Юстасе. На будущей неделе он отправляется в Саутгемптон, и я – его вестник. Он поручил мне передать вам, благородная и высокочтимая дама, что поедет он не спеша и по пути из Гилдфорда проведет ночь под вашим кровом.

При этих словах старая леди сначала вспыхнула от радости, но тут же побледнела от огорчения.

– Это большая честь для дома Лорингов, – сказала она, – но кров наш теперь так жалок, а пища, как вы сами видели, так скудна! Король не знает, что мы совсем обеднели. Боюсь, мы покажемся ему просто скупцами.

Но Чандос успокоил ее. Свита короля проследует дальше, в Фарнемский замок. Дам с ним нет, а сам он, хотя и король, выносливый солдат и мало думает об удобствах. Во всяком случае, раз он объявил о своем намерении, они должны повиноваться. Наконец, самым деликатным образом Чандос предложил воспользоваться его кошельком. Но к леди Эрментруде уже вернулась присущая ей невозмутимость.

– Что вы, что вы, милый родич, не нужно! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы принять короля как подобает. Он поймет, что, хотя в доме Лорингов ему не могут предложить угощение повкуснее, зато их кровь и жизнь принадлежат ему одному.

Чандос должен был ехать обратно в Фарнемский замок и еще дальше, но он выразил желание сперва принять ванну в Тилфорде, ибо, подобно многим рыцарям, любил попариться в такой горячей воде, в какой только мог усидеть.

Поэтому в комнату для гостей внесли большую бочку, крепко стянутую обручами, – чуть пошире и чуть пониже маслбойки, а Найджел был приглашен составить гостю компанию, пока тот парился, изнемогая в почти кипящей воде.

²² Вовремя (*фр.*).

Найджел примостился на краю высокой кровати и, болтая ногами, с интересом и удивлением взирает на изысканные черты лица знаменитого воина, его всклокоченные желтые волосы и мускулистые плечи, едва видные в столбе густого пара. Чандосу хотелось поговорить, и Найджел нетерпеливо засыпал его вопросами о войне, жадно впитывая каждое слово, долетавшее до него из облака пара, подобно прорицаниям древних оракулов. Чандос был старый вояка, для него война давно утратила былую привлекательность. Поэтому, слушая торопливые, сбивчивые вопросы Найджеля и видя, с каким вниманием и восхищением тот ловит каждый ответ, он заново переживал пылкие дни своей юности.

– Расскажите мне еще о валлийцах, досточтимый сэр, – просил сквайр. – Они хорошие солдаты?

– Валлийцы – храбрые воины, – отвечал Чандос, плескаясь в чане. – Если по их долинам проезжать с небольшим отрядом, стычки будут на каждом шагу. Их рыцари вспыхивают в один миг, как сухой вереск от огня. Но если ты можешь немного переждать, случается, они и остывают.

– А шотландцы? Вы ведь с ними воевали?

– Нет на свете лучше воинов, чем шотландские рыцари. И тому, кто устоит в бою с лучшими из них – Дугласом, Марри или Ситоном, учиться больше нечему. Будь ты как угодно силен, но если отправишься на север, то всегда повстречаешь рыцаря, не уступающего тебе в силе. Если валлийцы подобны сухому вереску, то, *pardieu*, шотландцы больше походят на торфяник – они дымятся не переставая, и конца этому нет. Я не раз бывал там с войском, потому что даже в мирное время эникские Перси или коменданты Карлайла не могли обойтись без распрей и стычек с пограничными кланами.

– Мне помнится, отец говорил, что они отменные копейщики.

– Лучшие в мире. Копья у них длинные, футов по двенадцать, и они очень плотно смыкают ряды. Зато их лучники никуда не годятся, кроме разве людей Эттрика и Селкерка, те – уроженцы лесов. Пожалуйста, Найджел, открой окошко, стало слишком парно. А вот валлийцы, наоборот, плохие копейщики. Лучшие лучники во всем Уэльсе – из Гуэнта. Луки у них страшной силы, их делают из древесины вяза. Я знал одного рыцаря, так лошадь его убило стрелой, которая сначала прошла через его кольчугу, ногу и седло. И все же разве можно сравнить стрелу, даже пущенную с огромной силой, с этими новыми железными шарами, которые выбрасывает порох и которые разбивают латы, как камень яйцо!

– Тем лучше для нас! – воскликнул Найджел. – Значит, есть хотя бы одно славное дело, которое предстоит совершить только нам.

Чандос коротко рассмеялся и бросил на раскрасневшегося Найджеля быстрый, сочувственный взгляд.

– Твоя манера говорить напоминает мне речи стариков из моего детства, – сказал он. – В те дни еще доживали свой век настоящие старые странствующие рыцари, и они говорили совсем как ты. Хотя ты и очень молод, ты – из прошлого века. Откуда у тебя такие мысли и слова?

– У меня был только один источник – леди Эрментруда.

– *Pardieu*! Она отлично натаскала ястребка: он уже готов к охоте на благородную дичь. Но было бы лучше, если б во время первой охоты ты сидел у меня на руке. Ты хотел бы отправиться со мной на войну?

У Найджеля на глаза навернулись слезы, и он крепко сжал худую руку, протянутую ему из ванны.

– Клянусь святым Павлом, лучше этого не может быть ничего на свете! Только я боюсь оставить леди Эрментруду – о ней больше некому позаботиться. Если бы это можно было как-нибудь устроить...

– Король сам все уладит. А до его приезда не будем больше говорить об этом. Но если ты хочешь поехать со мной...

– Разве можно мечтать о большем? Во всей Англии не найдется сквайра, который не захотел бы служить под знаменем Чандоса! А куда вы отправляетесь, высокочтимый сэр? И когда? В Шотландию? В Ирландию? Во Францию? Впрочем, увы...

Его сияющее лицо омрачилось. На миг он позабыл, что носить доспехи ему так же не по средствам, как есть с золотого блюда. В мгновение ока рухнули все его радужные надежды. О, эти низкие житейские заботы! Почему они всегда стеной стоят между мечтой и ее воплощением? Ведь оруженосец такого рыцаря должен быть одет во все самое лучшее. А всех доходов от Тилфорда еле хватило бы на одни только латы.

Умудренный житейским опытом, Чандос проницательным своим умом тотчас понял, почему у Найджела вдруг изменилось настроение.

– Если ты будешь воевать под моим знаменем, о твоём снаряжении позабочусь я сам, – сказал он. – И пожалуйста, не возражай.

Найджел грустно покачал головой.

– Это невозможно. Леди Эрментруда скорее продаст этот старый дом и последний клочок земли вокруг него, чем позволит мне принять ваш щедрый дар. Но я не отчаиваюсь – только на прошлой неделе я раздобыл себе благородного боевого коня, не заплатив ни пенса. Быть может, мне так же повезет и со снаряжением.

– А как ты добыл коня?

– Мне его подарили монахи из Уэверли.

– Чудеса! Pardieu! По тому, что я видел в монастыре, от них ты мог получить только проклятье.

– Конь был им не нужен, вот они и отдали его мне.

– Значит, остается найти человека, которому не нужны доспехи, и он отдаст их тебе. И все же надеюсь, ты еще подумаешь и позволишь мне снарядить тебя на войну – тем более что добрая леди считает меня твоим родичем.

– Благодарю вас, благородный сэр. Если бы я и обратился к кому за помощью, то только к вам. Но сначала я попробую кое-что другое. А теперь прошу вас, добрый сэр Джон, расскажите мне что-нибудь о ваших славных копейных потехах с французами – вся страна только и говорит о ваших подвигах, и я слышал, что как-то в одно утро от вашего копья пали разом три рыцаря. Это правда?

– Подтвердить это могут вот эти шрамы у меня на теле. Но это все сумасбродства молодости.

– Почему вы говорите, что это – сумасбродства? Разве не так добиваются почестей и прославления своей дамы?

– Хорошо, что ты так думаешь, Найджел. В твои годы у мужчины должна быть горячая голова и возвышенная душа. И я был такой же и сражался за перчатку своей дамы, или по обету, или просто из любви к бою. Но когда повзрослеешь и под твоей командой оказываются люди, приходится думать о других вещах. Тут уж не до почестей – надо позаботиться о безопасности армии. Ведь не от твоего копья, меча или руки зависит исход боя; зато твоя холодная голова может спасти почти проигранное сражение. Армии нужны не Роланд, Оливье и другие паладины, а люди, которые знают, когда надо атаковать в конном строю, а когда спешиться; как надо расставить лучников между копейщиками так, чтобы одни прикрывали других; как придержать резерв и ввести его в дело в тот единственный миг, когда он может изменить ход битвы; как сразу распознать, где топь, а где твердая земля.

– Но ведь если рыцари не станут делать свое дело, такому человеку никакой ум не поможет.

– Верно, Найджел. Поэтому пусть каждый сквайр отправляется на войну с таким же горячим сердцем, как у тебя. Однако мне нельзя более мешкать, надо исполнять королевскую службу. Теперь я оденусь, попрощаюсь с благородной леди Эрментрудой и поеду в Фарнем. Мы снова увидимся, когда я прибуду сюда с королем.

Вечером Чандос уехал. Лошадь спокойно шла шагом по мирным тропам, а он брэнчал на гитаре – Чандос любил музыку и славился своими веселыми песнями. Обитатели хижин выходили на порог и со смехом аплодировали ему. Глубокий чистый голос Чандоса то взлетал вверх, то падал под веселое треньканье струн. Не многие из тех, мимо кого он проезжал, узнали бы в этом изысканном одноглазом человеке с желтыми волосами искуснейшего полководца и храбрейшего воина во всей Европе. Только раз, когда он въезжал в Фарнем, к нему бросился старый, изувеченный солдат и обнял его лошадь, как собака обхватывает лапами хозяина. Чандос что-то ласково сказал ему и бросил золотой.

Найджел и леди Эрментруда остались наедине со своими заботами и сидели, печально глядя друг на друга.

– Подвал почти совсем пуст, – подал голос Найджел, – там осталось всего два бочонка легкого пива да бочка вина с Канарских островов. Ну как подашь это на стол королю и придворным?

– Нужно раздобыть бордоского вина. Тогда подадим бордоское, теленка от пестрой коровы, кур и гусей, и еды хватит – если он проведет у нас только одну ночь. А сколько с ним будет людей?

– Не меньше дюжины.

Старая леди в отчаянии заломила руки.

– Ну полно, не принимайте все так близко к сердцу, дорогая госпожа. Стоит сказать слово, и король с придворными остановится в Уэверли, где найдет все, что пожелает.

– Ни за что! – воскликнула леди Эрментруда. – Стыд и позор падут на наш дом, если король минует нашу дверь, после того как милостиво пожелал войти в нее. Ну, делать нечего. Выход у меня один. Не думала, что мне когда-нибудь придется пойти на это, но знаю, что он был бы доволен, и я это сделаю.

Выбрав из связки ключик, она направилась к железному сундуку и отперла его. Пронзительно закрипели заржавленные петли, и крышка откинулась. Старой леди нечасто доводилось заглядывать в священный тайник, где хранились ее сокровища. На самом верху лежало несколько предметов былой роскоши: шелковый плащ, усеянный золотыми звездами, расшитый серебром чепец, кусок венецианского кружева. Ниже лежали завернутые в шелк реликвии; их старая леди вынимала особенно бережно: мужская охотничья перчатка, детский башмачок, бант из бледно-зеленой ленты, несколько писем, написанных грубым неровным почерком, и нерукотворный образ св. Фомы. С самого дна она извлекла еще три предмета, обернутых шелковой тканью, положила на стол. Это был грубый золотой браслет, усыпанный неограниченными рубинами, золотой поднос и высокий, тоже золотой, кубок.

– Ты уже слышал от меня про эти вещи, Найджел, только никогда их не видел. Я не открывала сундук, чтобы в трудную минуту не впасть в искушение и не превратить все это в деньги. Я старалась не только не видеть, но и не думать о них. Но сейчас вызывает честь дома, и мы должны с ними расстаться. Этот кубок мой муж, сэр Нэл Лоринг, выиграл во время осады Белграда. Он и его друзья от зари до зари бились на турнирах против цвета французского рыцарства. Поднос подарил ему лорд Пембрук на память о его храбрости в битве при Фолкерке²³.

– А браслет, дорогая госпожа?

– Обещай, что не станешь смеяться.

– Нет, конечно, с какой стати мне смеяться.

²³ Битва при Фолкерке – победа короля Эдуарда I (1274–1307) над шотландцами под предводительством Уильяма Уоллеса.

– Этот браслет был призом королевы красоты. Мне преподнес его сэр Нэл Лоринг перед лицом всех высокопоставленных дам Англии за месяц до нашей свадьбы. Подумай только, Найджел: я, вот такая согбенная старуха, была королевой красоты. Пять доблестных рыцарей пали от его копья, прежде чем он выиграл для меня эту безделицу. И вот, под самый конец жизни...

– Нет, нет, дорогая госпожа, эту вещь мы не отдадим.

– Отдадим. Он был бы этим доволен. Я слышу, что он шепчет мне на ухо. Честь была для него все, остальное – ничто. Возьми браслет, Найджел, пока я тверда сердцем. Завтра ты отправишься с ним в Гилдфорд, найдешь там золотых дел мастера Торолда и получишь довольно денег, чтобы заплатить за все, что нам нужно к приезду короля.

Она отвернулась, чтобы Найджел не увидел, как задрожало ее изрезанное морщинами лицо; стук захлопнувшейся железной крышки заглушил рыданье, вырвавшееся было из ее измученной груди.

Глава VII

Как Найджел поехал за покупками в Гилдфорд

Утром Найджел отправился выполнять возложенное на него поручение. Шел июнь месяц, стояла прекрасная погода. Найджел был молод, и на душе у него было легко и радостно, когда он ехал из Тилфорда в недалёкий городок Гилдфорд. Он сидел на своем огромном соловом боевом коне, а конь то играл под ним, то становился на дыбы, такой же горячий и веселый, как его хозяин. Вряд ли в то утро во всей Англии нашлась бы еще такая красивая, жизнерадостная пара. Справа песчаная дорога вела через ельник, и мягкий ветерок обдавал их смолистым запахом хвои, потом пошли вересковые холмы, они тянулись далеко с юга на север, безлюдные, невозделанные: земли на склонах были почти бесплодны и сухи. Найджел миновал Круксберийские луга, потом пустошь близ Патнема, и, следуя по песчаной тропе, углубился в заросли папоротника и вереска – он хотел выбраться на дорогу паломников там, где она от Фарнема и Сила сворачивает на восток. Рукой Найджел то и дело проверял седельную сумку, куда, надежно ее перевязав, он уложил бесценные сокровища леди Эрментруды. Перед его глазами мерно покачивалась крепкая рыже-бурая шея коня, всем телом он ощущал плавное, свободное движение животного, слышал глухой стук его копыт и готов был петь и кричать просто от переполнявшей его радости жизни.

Позади Найджела, на маленьком гнедом пони, еще недавно его единственной верховой лошади, ехал Сэмкин Эйлвард, лучник, принявший на себя обязанности слуги и телохранителя. Его могучий торс с широченными плечами, казалось, вот-вот перевесит и опрокинет маленькую лошадку, но он спокойно трусил, насвистывая веселую песенку, и пребывал в таком же прекрасном расположении духа, что и его хозяин. Встречные мужчины приветливо кивали веселому лучнику, женщины улыбались; сам же он ехал, большей частью повернув голову через плечо и провожая взглядом каждую юбку. Один только человек ответил ему не слишком любезно. Это был высокий седой старик с красными щеками, которого они повстречали на болоте.

– Доброго утра, дорогой отец! – закричал при виде его Эйлвард. – Как там у вас в Круксбери? Как новая черная корова и овцы из Элтона? А молочница Мэри? И вообще, как дела?

– Не тебе спрашивать, бездельник, – ответил старик. – Ты разорил уэверлийских монахов, у которых я арендую землю, и они хотят теперь выгнать меня с фермы. Правда, у меня есть еще три года сроку, и пусть они делают что угодно, только раньше я оттуда не уйду. Вот уж не думал, что когда-нибудь потеряю свой очаг из-за тебя, Сэмкин. И смотри, появившись ты хоть раз в Круксбери, я выколочу пыль из твоей куртки здоровой орешинкой, хоть ты вон какой вымахал.

– Тогда тебе придется заняться этим делом прямо завтра утром, добрый отец, – завтра я приеду к тебе. Только в Уэверли я не сделал ничего такого, чего не сделал бы ты сам. Посмотри мне в глаза, горячая ты голова, и скажи по совести: неужто ты стоял бы сложа руки и смотрел, как по приказу жирных монахов убивают последнего Лоринга? Вон он едет – голова гордо поднята, а душа витает в облаках. Если бы ты так поступил, я отказался бы от такого отца.

– Что ты, Сэмкин! Если все было, как ты говоришь, тогда ты и впрямь поступил как надо. Только ведь нелегко терять старую ферму, когда ты душой прирос к этой доброй, плодородной земле.

– Ну-ну, отец! Впереди еще три года, чего только не случится за это время! Я вот пойду на войну, а когда взломаю во Франции пару сундуков, ты сможешь купить сколько угодно доброй плодородной земли и хорошо посмеяться над настоятелем Джоном и его стряпчим. Чем я хуже Тома Уитстефа из Чэрта? Когда, через полгода, он вернулся, карманы у него были набиты золотом, а на руках висело по французской девке.

– Упаси нас Господи от девок, Сэмкин. Ну а что до денег, так если их там можно добыть, ты изгребешь их не меньше всякого, кто идет на войну. Ладно, сынок, поезжай. Твой хозяин уже перевалил за вершину холма.

Получив такое напутствие, лучник помахал отцу рукой в латной рукавице, пришпорил лошадь и скоро догнал сквайра. Найджел бросил взгляд через плечо и придержал коня, пока голова пони не поравнялась с его седлом.

– Говорят, лучник, в здешних местах погуливает разбойник?

– Да, добрый сэр. Это крепостной сэра Питера Мэндевила, он взбунтовался и бежал в лес. Его прозвали Патнемским волком.

– А почему его до сих пор не изловили? Если человек грабит и разбойничает, то избавить округу от такого зла – поистине дело чести.

– Королевские сержанты уже дважды наезжали из Гилдфорда, чтобы его поймать, но у этой лисицы много нор, и вытравить его оттуда не так-то просто.

– Клянусь святым Павлом, если бы не спешное дело, я свернул бы с дороги и поискал его. Так где, говоришь, он живет?

– За Патнемом есть большое болото, а дальше – пещеры. Там он и прятался со своими людьми.

– С людьми? У него что, целая шайка?

– Несколько человек.

– Похоже, это достойное дело. После того как король приедет и снова уедет, мы посвятим денек Патнемскому разбойнику. Не думаю, чтобы нам довелось встретить его сегодня на этом пути.

– Они грабят паломников на Уинчестерском тракте, а здешних не трогают, тем же, кто им помогает, щедро платят. Их тут очень уважают.

– Легко быть щедрым, если деньги краденые, – возразил Найджел. – Думаю, они не станут нападать на людей вооруженных, как мы с тобой, и нам от них не будет проку.

Они проехали пустынное болото и вышли на главный тракт, по которому паломники из Западной Англии направлялись к национальной святыне – Кентербери. Из Уинчестера дорога поднималась по живописной Иченской долине до Фарнема. Тут она разделялась на две: одна тянулась вдоль Хогзбекского гребня, другая выходящей лентой убегала на юг, к холму Св. Катарины, на котором некогда стояла церковь паломников, многолюдная, богатая, сиявшая великолепием; теперь же на этом месте виднелась лишь груда серых развалин. По этой дороге и поехали Найджел с Эйлвардом, направляясь в Гилдфорд.

Попутчиков у них не оказалось, зато навстречу попала толпа паломников, возвращавшихся с богомолья. На шляпах у них были изображения св. Фомы и свинцовые сосудики или раковины улиток с миром, а за плечами – котомки с покупками. Мужчины шли пешком, женщины ехали на ослах. Толпа была грязная, оборванная, покрытая дорожной пылью. И люди и животные брели, еле переставляя ноги, словно уже потеряли надежду снова увидеть родной дом. До деревни Патнем они так и не встретили никого, кроме этой толпы да нескольких нищих и менестрелей, сидевших в вереске по обочинам дороги в надежде на случайный фартинг прохожего. Солнце стояло уже высоко, легкий ветер гнал по дороге пыль, и, въехав в деревню, они с наслаждением промочили горло кружкой эля на постоялом дворе. Когда они уезжали, трактирщица простилась с Найджелом очень холодно, потому что он не оказал ей должного внимания, зато Эйлварду отвесила пощечину – за слишком усердное внимание.

По ту сторону Патнема дорога шла густым смешанным дубовым и буковым лесом, под пологом которого буйно разрослись папоротники и терновник. Здесь им встретился дозор – несколько сержантов, высоких малых на хороших лошадях, в кожаных куртках и шапках, с копьями и мечами. Они медленно ехали по теневой стороне дороги. Когда путники приблизились, дозорные спросили, не было ли у них на дороге каких неприятностей.

– Будьте осторожны, – добавил один из них, – разбойник и его жена вышли на промысел. Только вчера они убили одного купца с запада из-за сотни крон.

– Вы говорите, его жена?

– Да, сэр. Она всегда с ним и не раз его спасала, потому что он хоть и силен, а мозгами-то раскидывает она. Надеюсь, на днях мы увидим их головы на зеленой траве.

Дозор направился в сторону Фарнема, и, как оказалось, прочь от разбойников, которые, по всей видимости, следили за ним из гущи кустарника, росшего по обе стороны дороги. Найджел и Эйлвард поехали дальше и вдруг за поворотом увидели высокую миловидную женщину, которая сидела у дороги, заламывая руки и горько плача. Увидя рыдающую красавицу, Найджел прищпорил коня и в три скачка оказался возле несчастной дамы.

– Почему вы плачете, прекрасная дама? – спросил он. – Могу ли я вам хоть чем-нибудь помочь как добрый друг? Неужели нашелся такой жестокосердный человек, что мог вас обидеть?

Она встала, с надеждой и мольбой обратив к нему лицо.

– Ох, спасите моего отца! – воскликнула она. – Вы, случайно, не встретили дорожный дозор? Они уже прошли здесь, и я боюсь, что теперь их не догнать.

– Да, они поехали дальше. Но мы тоже можем вам помочь.

– Тогда умоляю, скорее! Ведь они, может быть, убивают его! Они потащили его вон в тот лес, и я слышала, как голос его замер вдали. Скорее, умоляю, скорее!

Найджел спрыгнул с лошади и бросил поводья Эйлварду.

– Э, нет, сэр. Мы пойдем вместе. Сколько там было разбойников?

– Два здоровенных детины.

– Тогда я тоже иду.

– Нет, Эйлвард, ни в коем случае, – сказал Найджел. – Но такому кустарнику лошади не пройдут, а бросать их тут, на дороге, нельзя.

– Я постерегу их, – вмешалась дама.

– Нет, Поммерса вам не удержать. Оставайся здесь, Эйлвард, пока я не позову. Ни с места! Это – приказ.

Говоря так, Найджел, с глазами, горящими от радости в ожидании приключений, выхватил меч и бросился в лес.

Он бежал быстро и долго; пересек одну поляну, другую, продрался сквозь густой кустарник, с легкостью оленя перемахнул через заросли терна, вглядываясь то в одну, то в другую сторону, изо всех сил напрягая слух; но до него доносилось лишь воркованье диких голубей. Однако он упорно продвигался вперед, в мыслях видя перед собой то рыдающую женщину, то ждущего спасения мужчину. И только когда заныли ноги, он, задыхаясь, остановился и вспомнил, что ему еще нужно уладить собственные дела и что пора вернуться на Гилдфордскую дорогу.

Между тем Эйлвард по-своему старался утешить женщину, которая рыдала, уткнувшись лицом в седло Поммерса.

– Ну-ну, не плачьте, красавица, – говорил он, – а то, глядя на вас, я и сам заплачу.

– Увы, добрый лучник, он был лучший из отцов, такой нежный и ласковый. Если бы вы знали его. Он бы и вам полюбился.

– Ну-ну, полно! С ним ничего не случится. Сквайр Найджел приведет его обратно.

– Ах нет, я больше никогда его не увижу! Держите меня, лучник, не то я сейчас упаду.

Эйлвард крепко обхватил ее гибкую талию. Теряющая сознание женщина прильнула к нему, закинув руку ему на плечо и обратив бледное лицо назад.

Вдруг Эйлвард увидел, что выражение ее глаз изменилось: в них мелькнула надежда, потом неистовая радость и торжество победы, – и понял, что надвигается какая-то опасность. Он живо оттолкнул ее от себя и отпрыгнул в сторону – и как раз вовремя: на него едва не

обрушился удар дубины, которую держал в руках человек еще более высокого роста, чем он сам. Он успел увидеть сжатые в бешеной ярости страшные белые зубы, взметнувшуюся всколоченную голову и сверкающие звериные глаза. В следующий миг он, резко уклонившись от нового сокрушительного удара дубины, бросился на противника.

Обхватив обеими руками разбойника, прижав лицо к его косматой бороде, Эйлвард, задыхаясь, едва переводя дух, стал сжимать его огромное тело. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Они топтались на пыльной дороге, то подаваясь в сторону, то отступая в другую. Дважды под натиском невероятной мощи разбойника Эйлварду едва удавалось удержаться на ногах, и дважды сила и ловкость молодости помогли ему устоять и еще крепче сжать противника. Наконец ему повезло, он сумел подставить ногу и одним могучим рывком повалить разбойника на землю. Падая, тот хрипло закричал. Едва он коснулся земли, как Эйлвард придавил его коленом и, погрузив свой короткий меч в густую бороду, прижал острие к горлу.

– Клянусь своими десятью пальцами, – вымолвил он, с трудом переводя дух, – только шевельнись, и тебе конец.

Разбойник лежал неподвижно, оглушенный падением. Эйлвард оглянулся. Женщины нигде не было – при первой же схватке она исчезла в густом лесу.

Тогда Эйлвард забеспокоился о судьбе хозяина. Ему пришло в голову, что Найджела заманили в ловушку и там прикончили. Но, к счастью, его опасения были напрасны, вскоре хозяин показался на дороге – он вышел на нее недалеко от места встречи с незнакомкой.

– Клянусь святым Павлом! – воскликнул он, подходя. – На ком это ты сидишь? А где женщина, которая удостоила нас просьбой о помощи? Увы, я не нашел ее отца.

– Тем лучше для вас, сэр, – ответил Эйлвард, – боюсь, что отец у нее сам дьявол. Она же, видно, и есть жена Патнемского волка. А вот это – он сам. Он напал на меня и чуть не вышиб мне дубинкой мозги.

Разбойник, открывший к тому времени глаза, перевел злобный взгляд со своего победителя на вновь пришедшего.

– Тебе повезло, лучник, – сказал он, – много с кем мне приходилось бороться, но еще никому не удавалось меня одолеть.

– Верно, хватка у тебя, как у медведя, – ответил Эйлвард. – Да ведь только трус поступает так, как ты, – ты хотел разmozжить мне палкой голову, пока твоя жена держала меня. К тому же подло заманивать проезжих в ловушку, вызывая к их жалости и прося о помощи. Мы едва не поплатились жизнью за доброту сердца. Ведь может случиться, что тот, кому по-настоящему нужна наша помощь, не получит ее. И этот грех тоже будет на тебе.

– Коли против тебя весь мир, – угрюмо ответил разбойник, – деваться некуда, надо бороться изо всех сил.

– Ты заслужил виселицу уже за одно только, что втянул в свое грязное дело ту красивую женщину с благородной речью. Свяжи ему руки поводьями, Эйлвард, мы отведем его в Гилдфорд.

Лучник уже достал из сумки запасную тетиву и связал пленника, как вдруг Найджел обернулся и испуганно вскрикнул:

– Пресвятая Дева Мария! А где моя седельная сума?

Сума была срезана острым ножом. С седла свешивались лишь концы ремня. Эйлвард и Найджел в ужасе уставились друг на друга. Потом молодой сквайр поднял сжатые в кулаки руки и в отчаянии схватился за голову.

– Браслет леди Эрментруды! – воскликнул он. – Кубок моего деда! Мне нельзя их потерять! Лучше смерть! Что я ей скажу? Я не могу вернуться домой, пока их не найду. Эйлвард, Эйлвард, как же ты дал их украсть?

Честный лучник откинул стальной шлем и почесал взлохмаченную голову.

– Ума не приложу, как это случилось. Да и вы не говорили, что в сумке есть что-то ценное, а то бы я лучше смотрел за ней. Конечно, это сделал не он, я его ни на миг не выпускал из рук. Срезать сумку могла только та женщина, что убежала, пока мы боролись.

Найджел в растерянности топтался на дороге.

– Если бы я знал, где найти эту женщину, я пошел бы за ней хоть на край света. А искать ее в этом лесу – все равно что мышь в пшеничном поле. Добрый святой Георгий, ты, который поверг дракона, молю тебя, во имя твоего славного, благородного подвига, помоги мне! И ты, великий святой Юлиан, покровитель всех путников, попавших в беду! Две свечи будут вечно гореть перед твоим изображением в Годлминге, только верни мне сумку. Господи, я отдам все что угодно, только бы вернуть ее!

– А вы отдадите мне мою жизнь? – вдруг подал голос разбойник. – Обещайте дать мне свободу, и вы получите сумку. Если, конечно, взяла ее моя жена.

– Нет, этого я не могу сделать: пострадала моя честь, – ответил Найджел. – Потеря – мое личное дело, освободить же тебя – значит нанести ущерб другим людям. Клянусь святым Павлом, я поступил бы бесчестно, если бы, спасая свое имущество, отпустил бы тебя грабить чужое.

– Я вовсе не прошу отпустить меня, – сказал Патнемский волк. – Только обещайте, что мне сохранят жизнь, и я верну сумку.

– Этого я тоже не могу обещать: твою судьбу решат шериф и судейские в Гилдфорде.

– Тогда обещайте только замолвить за меня словечко.

– Вот это я обещаю, только верни мне сумку. Правда, я не знаю, поможет ли тебе мое слово. Впрочем, все это пустые разговоры. Неужто ты думаешь, мы так глупы, что поверим, будто ты вернешься, если мы тебя отпустим?

– А я и не прошу об этом. Я могу вернуть сумку, не сходя с места. Вы поклянетесь честью и всем, что вам дорого на свете, что будете просить судей о снисхождении?

– Клянусь.

– И что жену мою не тронут?

– Тоже обещаю.

Разбойник закинул голову и издал протяжный пронзительный крик, наподобие волчьего воя. Некоторое время ничего не было слышно, а потом из лесу неподалеку раздался такой же крик, чистый и пронзительный. Патнемский волк крикнул еще раз, и сообщница снова ответила. Он позвал в третий раз, как олень в чаще зовет свою олениху. И тут же зашуршали листья кустов, затрещали ветки, и перед ними снова появилась та удивительно красивая высокая женщина. Лицо ее было бледно. Не взглянув ни на Эйлварда, ни на Найджела, она подбежала к мужу.

– Дорогой, любимый повелитель, – вскричала она, – тебе не сделали ничего плохого? Я ждала возле старого ясеня, а вы все не шли и не шли.

– Видишь, жена, меня все-таки схватили.

– Будь проклят этот день! Отпустите его, добрые, благородные господа, не отнимайте его у меня!

– Они замолвят за меня слово в Гилдфорде, – сказал разбойник. – Они поклялись. Только сначала верни им сумку, что ты взяла.

Она вытащила сумку из-под широкого плаща.

– Вот она, благородный сэр. Право, мне нелегко было взять ее – ведь вы пожалели меня в моей беде. Пожалейте же нас еще раз! Будьте к нам милосердны, добрый сэр. На коленях умоляю вас, благороднейший и добрейший сэр!

Найджел схватил мешок, ощупал его и с облегчением почувствовал под рукой сокровища леди Эрментруды.

– Я дал слово, – ответил он, – и сделаю, что могу. Но решать дело будут другие. Встаньте, пожалуйста, больше ничего не могу обещать.

– Что ж, на нет и суда нет, – ответила она и, спокойно глядя на них, поднялась с колен. – Я молила о сострадании, а больше мне просить не о чем. Ну а прежде чем вернуться в лес, хочу предостеречь вас – будьте осторожны, не потеряйте мешок еще раз. Ведь ты, лучник, не видел, как я взяла сумку? А это было так просто. И может случиться еще раз. Поэтому посмотри-ка сюда. В рукаве я всегда ношу нож, он невелик, но очень острый. Я незаметно вытащила его, а когда сделала вид, будто плачу, уткнувшись в седло, вот так перерезала...

С быстротой молнии она полоснула ножом по тетиве, которой был связан ее муж, и тот, поднырнув под брюхом лошади, как змея скользнул в кустарник. Но на ходу он успел ударить Поммерса кулаком в живот. Громадная лошадь вне себя от ярости встала на дыбы, и Найджел с лучником, повиснув на поводьях, еле-еле удержали ее на месте. Когда наконец конь успокоился, разбойников и след простыл. Напрасно Эйлвард с луком наготове бегал туда-сюда среди высоких стволов, всматриваясь в затененные прогалины. Когда он вернулся, они с хозяином смущенно посмотрели друг на друга.

– Да, солдаты мы неплохие, а вот в стражников не вышли, – заметил он, садясь на пони. Но на хмуром лице Найджела уже появилась улыбка.

– Зато мы вернули то, что чуть не потеряли, – ответил он. – Теперь-то я положу мешок перед собой и больше не спущу с него глаз до самого Гилдфорда.

И они затрусили вперед по дороге к церкви Св. Катарины. Там они еще раз переправились через извилистую реку Уэй и оказались на главной улице города, круто идущей вверх по холму. Но обе стороны тянулись дома с массивными остроконечными крышами; слева стоял монастырский странноприимный дом, где и теперь еще можно выпить кружечку доброго эля, а справа – большая квадратная башня замка – не мрачные серые развалины, а веселая, оживленная, над которой развевался флаг с гербом, а поверх зубцов поблескивали стальные каски. От ворот замка до главной улицы тянулись ряды лавок; вторая из них, если считать от церкви Св. Троицы, принадлежала золотых дел мастеру, богачу и мэру города Торолду.

Он долго и любовно рассматривал крупные рубины и искусную работу кубка. Потом провел рукой по седой окладистой бороде, словно раздумывая, сколько дать за кубок, пятьдесят ноблей или шестьдесят: он отлично знал, что перепродаст его за верных двести. Предложишь слишком много – себе в убыток; предложишь слишком мало – глядишь, молодой человек забрет обратно и отправится в Лондон: вещицы-то редкие и очень дорогие. Молодой человек, правда, одет бедно, и взгляд у него тревожный. Вероятно, попал в затруднительное положение и даже не знает истинной цены тому, что принес. Надо у него все выведать.

– Это очень старые вещи, достойный сэр, они давно вышли из моды, – начал он. – О камнях я ничего не могу сказать, они тусклы и необработаны. Но если вы запросите недорого, я все возьму, хотя я сижу здесь не для купли, а для продажи. Сколько вы хотите?

Найджел в растерянности нахмурил брови. Да-а, в этой игре его не выручит ни отвага, ни ловкость. Тут новые силы вели наступление на старые, купец шел покорять воина. Целые столетия он изматывал его, ослаблял его силы, пока наконец не сделал своим слугой, своим рабом.

– Я, право, не знаю, досточтимый сэр, ни мне, ни кому-либо еще, кто носит мое имя, не доводилось торговаться. Ну а вы знаете, сколько могут стоить эти вещи, ведь торговля – ваше ремесло. У леди Эрментруды совсем нет денег, а нам надо принять короля. Заплатите за них по справедливости, и дело с концом.

Ювелир улыбнулся. Сделка обещала быть еще проще и выгоднее, чем он предполагал. Он собирался предложить пятьдесят золотых, но теперь грешно было бы дать больше двадцати пяти.

– Не знаю, что мне потом с ними делать, – начал он, – но раз речь идет о королевском визите, я не пожалею двадцати пяти ноблей.

У Найджела упало сердце. На такие деньги не купить и половины того, что им нужно. Ясно, что леди Эрментруда очень переоценила свои сокровища. Но возвращаться с пустыми руками ему все равно нельзя, значит, если вещи, как уверяет добрый старик, стоят двадцать пять ноблей, остается только поблагодарить его и взять эти золотые.

– Меня очень огорчило то, что вы говорите. Конечно, вы лучше разбираетесь в таких вещах. Что ж, я возьму за них...

«Сто пятьдесят», – услышал он шепот Эйлварда и громко повторил, донельзя обрадовавшись даже такой ничтожной помощи на этом новом для себя поприще:

– Сто пятьдесят.

Ювелир вздрогнул. Этот юноша не так уж прост, как показался сначала. Его открытое лицо и ясные голубые глаза – не что иное, как ловушка для неосторожных. Ему еще не случилось так попадать впросак.

– Это пустой разговор, он ни к чему не приведет, достойный сэр, – ответил он и отвернулся, перебирая ключи от своих прочных сундуков, – но я не хочу обойтись с вами несправедливо, последняя цена – пятьдесят ноблей.

– И сто, – прошептал Эйлвард.

– И сто, – повторил Найджел, зардевшись от собственной жадности.

– Ну, хорошо, берите сотню, – воскликнул купец, – берите целую сотню, стригите меня, обдирайте, обирайте, пустите по миру!

– Я никогда не простил бы себе, случись это на самом деле, – сказал Найджел. – Вы были честны со мной, и я не хотел бы причинять вам зло. Поэтому я охотно возьму сто...

– Сто пятьдесят, – шепнул Эйлвард.

– Сто пятьдесят, – громко повторил Найджел.

– Клянусь святым Иоанном Беверлийским, – воскликнул купец, – я приехал сюда с Севера, а там, всякий знает, народ в делах хитрый да ловкий! Так вот, я скорее стану вести дело с целой синагогой жидов, чем с вами, хоть у вас такие благородные манеры. Вы в самом деле не согласны на меньшую сумму? Боже мой! Вы лишаете меня месячного дохода. Это же целое утро тяжелой работы! И зачем только вы ко мне явились?

Так причитал он, выкладывая на прилавок одну за другой золотые монеты, а Найджел, с трудом веря своей удаче, ссыпал их в седельную кожаную сумку.

Оказавшись снова на улице, он с пылающим лицом излил на Эйлварда целый поток благодарностей.

– Что вы сэр, он же нас просто ограбил. Будь мы понастойчивей, он отвалил бы еще двадцать золотых.

– А ты почему знаешь, добрый Эйлвард?

– Да у него все в глазах написано, сквайр Лоринг. Я, конечно, не очень там обучен читать или разбираться в гербах, зато уж разобрать, что у человека на лице написано, всегда сумею. Я с самого начала был уверен, что он даст столько, сколько дал.

Они пообедали в монастырском странноприимном доме, Найджел за главным столом, а Эйлвард с простым людом. Потом снова вышли на главную улицу и отправились по делам. Найджел купил тафты для драпировки, вина, всяких припасов, фруктов, камчатого столового белья и еще много всяких нужных вещей. Наконец он остановился перед лавкой оружейника во дворе замка и с жадностью ребенка, взирающего на лакомства, стал рассматривать великолепные доспехи, нагрудники с чеканкой, шлемы с перьями, искусно выделанные нашейники.

– Ну, сквайр Лоринг, – сказал оружейник Уот, оторвав взгляд от горна, где он закаливал клинок меча, – что вы хотите купить? Клянусь Тувалкайном²⁴, отцом всех оружейников, что пройди вы из конца в конец весь Чипсайд²⁵, вам не найти лучших доспехов, чем вон те, что висят на крюке.

– А сколько они стоят?

– Для любого другого – двести пятьдесят ноблей. Для вас – двести.

– А почему для меня дешевле?

– Потому что я снаряжал на войну вашего отца, и клянусь, из моей мастерской не выходило ничего лучше. Ручаюсь, о доспехи вашего отца затупилось немало клинков, прежде чем он с ними расстался. В те времена мы делали кольчуги, и хорошая кольчуга с плотными кольцами не уступала латам. А теперь молодые рыцари хотят одеваться по моде, как дамы при дворе, поэтому сейчас надо покупать латы, хоть они и стоят втрое дороже.

– Вы говорите, кольчуга нисколько не хуже?

– Уверен.

– Тогда послушайте, оружейник. Я сейчас не могу купить латы, а мне очень нужно стальное облачение – у меня впереди одно дело. Так вот дома, в Тилфорде, висит та самая кольчуга отца, о которой вы говорили, в ней отец в первый раз пошел на войну. Не могли бы вы подогнать ее по мне?

Оружейник оглядел невысокую стройную фигуру Найджела и рассмеялся.

– Вы шутите, сквайр Лоринг! Кольчуга была сделана на человека ростом куда выше среднего.

– Я не шучу. Если она выдержит хотя бы один копейный бой, она выполнит свое назначение.

Оружейник прислонился к наковальне и задумался, а Найджел с надеждой смотрел на его покрытое сажей лицо.

– Я с радостью одолжил бы вам доспехи для этой первой битвы, сквайр Лоринг, да ведь если вы потерпите неудачу, все ваше снаряжение достанется победителю. Я человек бедный, у меня много детей, и я не могу так рисковать. А та старая кольчуга, она правда в хорошем состоянии?

– В отличном, вот только на шее порядком порвана.

– Укоротить ее на руках и ногах не трудно. Придется только отрезать лишнее и потом закрепить звенья. А сделать ее поуже... Нет, этого не сможет ни один оружейник.

– Это была моя последняя надежда. Послушайте, добрый человек, если вы служили моему доблестному отцу и любили его, помогите мне ради его памяти.

Оружейник с грохотом бросил молот на пол.

– Я не только любил вашего отца, сквайр Лоринг, я видел, как вы сами почти без всякого снаряжения сражались на турнире во дворе замка против самых славных рыцарей. Последний раз, в день святого Мартина, у меня прямо сердце кровью обливалось, как вы с такими жалкими доспехами устояли против храброго сэра Оливера, хоть у него-то доспехи миланской работы. Вы когда возвращаетесь в Тилфорд?

– Прямо сейчас.

– Эй, Дженкин, выведи жеребца! – крикнул честный Уот. – Пусть у меня отсохнет правая рука, если я не отправлю вас на войну в кольчуге отца. Завтра мне надо быть в лавке, а сегодняшний день я безвозмездно отдаю вам, из одной только приязни, что я питаю к вашему дому. Я еду с вами в Тилфорд, и еще к ночи вы увидите, на что способен Уот.

²⁴ *Тувалкайн* – искусный кузнец; библейский персонаж (Быт., 4.22).

²⁵ *Чипсайд* – квартал в Лондоне, в старину центр ремесленного производства.

Вот как случилось, что в тот же вечер в господском доме в Тилфорде все пришло в движение. Леди Эрментруда прикидывала, резала и развешивала в зале драпировки и расставляла по полкам буфета всякие вкусные вещи, что привез Найджел. А сам он с оружейником Уотом сидели почти касаясь лбами друг друга, держа на коленях старую кольчугу, и что-то делали с пластинчатым нагрудником. Старый Уот то и дело пожимал плечами, как человек, от которого требуют большего, чем может сделать он, простой смертный. Наконец, в ответ на какие-то слова сквайра, он откинулся на спинку стула и громко рассмеялся в густую бороду. Такое плебейское проявление удовольствия заставило леди Эрментруду метнуть в его сторону недовольный взгляд. Но оружейник, не заметив его, схватил острый резец и молоток и, все еще улыбаясь своим мыслям, стал пробивать отверстие в самой середине стальной рубахи.

Глава VIII

Соколиная охота короля на Круксберийских вересках

Король и его свита уже оставили позади толпу, что следовала за ними из Гилдфорда по пути паломников, а конные лучники прогнали самых настойчивых зевак, и вся кавалькада длинной блестящей лентой растянулась по темной вересковой равнине.

Сам король ехал впереди – при нем были его соколы, и он надеялся удачно поохотиться. В описываемое время Эдуард был в расцвете лет. Это был высокий, сильный человек, страстный любитель охоты, ревностный, храбрый и доблестный воин. К тому же он был человек образованный – говорил по-латыни, по-французски, немецки, испански и даже немного по-английски.

До поры до времени он спокойно взирал на мир, но в последние годы в его характере появилось нечто новое и устрашающее: ненасытное честолюбие, побудившее его захватить трон соседа, и мудрая прозорливость в ведении торговых дел, побудившая его выселить из Англии фламандских ткачей и отдать поля под то, что на долгие годы стало основным сырьем для английской промышленности²⁶. Оба эти столь различные устремления отчетливо читались на его лице. Малиновая герцогская шапка прикрывала широкий высокий лоб. Большие карие глаза пылали отвагой. Подбородок был гладко выбрит, а коротко подстриженные темные усы не могли скрыть твердых, строгих очертаний рта, благородного и улыбчивого, который, однако, мог сжиматься жестко и безжалостно. Все время король проводил охотясь или воюя, от жизни на свежем воздухе с лица его не сходил медно-красный загар. Он ехал на великолепном вороном коне легко и свободно, как будто родился в седле. Сам он тоже был одет в черное – его подвижное, сильное тело было обтянуто черным бархатом, и только золотой пояс и кайма с золотыми цветами дрока нарушали мрачную черноту его одеяния.

Он был королем с головы до пят. Об этом говорили и его величественная осанка, и простая, но богатая одежда, и великолепный конь. Образ доблестного воина на могучем коне довершал благородный сокол с Гебридов, который кружил футах в двенадцати над его головой, ожидая, когда поднимут дичь. Второй такой же сокол сидел на запястье латной рукавицы главного сокольничего Рауля, ехавшего в хвосте кавалькады.

По правую руку от короля и чуть позади ехал юноша лет двадцати. Он был высок, тонок и темноволос, с благородным орлиным профилем и смелым, пронизательным взглядом, который загорался живой радостью и любовью всякий раз, когда он отвечал королю. Его одежда была темно-малинового цвета с тканым золотым узором; изумительной красоты сбруя его белой кобылы не оставляла сомнений в высоком положении всадника. У него не было еще ни бороды, ни усов, но с лица не сходило выражение строгой важности – свидетельство того, что хотя он и молод, но ведает серьезными делами и что его интересы и помыслы – это интересы и помыслы государственного человека и полководца. Это выражение запечатлелось у него на лице с того великого дня, когда он, еще совсем мальчик, повел за собой передовой отряд победоносной армии, которая сокрушила могущество Франции при Креси²⁷. Но в чертах его, хотя и суровых, еще не было той жесткости, из-за которой годы спустя, во время французских походов, имя Черного Принца стало символом ужаса и смерти. В тот весенний день, когда он весело и беззаботно скакал по вереску Круксберийской равнины, еще не видно было даже самых первых признаков страшной болезни, которая потом долго терзала и ожесточала его, прежде чем посягнула на его жизнь.

²⁶ Имеется в виду разведение овец.

²⁷ В 1346 г. Эдуард III Английский разгромил при Креси французского короля Филиппа VI.

Слева от короля ехал человек примерно одних с ним лет, широколицый, с выступающей вперед челюстью и плоским носом, что часто бывает внешним проявлением воинственной натуры. Он скакал почти рядом с королем, а это говорило о большой его близости к монарху. У него было красное лицо и голубые глаза навывкате, – по виду он был здоровяк и холерик. Ростом он был невысок, но крепко сбит и, видимо, невероятно силен. В то же время, когда он говорил, голос у него звучал мягко и слегка шепеляво; в обращении он был ровен и учтив. В отличие от короля и принца на нем были легкие доспехи, сбоку висел меч, а на луке седла – булава: он был капитаном королевской стражи, и за ним, замыкая кавалькаду, следовала еще дюжина рыцарей в стальных доспехах. При всем желании Эдуард не мог бы на случай внезапной грозной опасности, столь частой в те времена беззакония, иметь возле себя защитника более отважного и надежного, чем знаменитый рыцарь из Эно²⁸, ныне английский подданный, известный под именем Уолтера Мэнни, который считался таким же дерзким и доблестным рыцарем, как сам Чандос.

За рыцарями, которым запрещалось разъезжаться по равнине – они должны были всегда находиться при короле, – следовал отряд легкой кавалерии, или конных стрелков, человек в двадцать-тридцать, и еще несколько невооруженных рыцарей. Они вели запасных лошадей, навьюченных наиболее тяжелыми предметами рыцарского снаряжения. В самом хвосте процессии, которая то поднималась по склонам пологих холмов, то спускалась в низины, растянувшись длинной многоцветной лентой, двигались сокольники, скороходы, пажи, слуги и доезжачие с гончими на сворах.

Тяжелые мысли одолевали короля Эдуарда. С Францией заключено перемирие, но обе стороны то и дело нарушают его мелкими стычками, набегами, засадами, внезапными налетами, и ясно, что скоро снова начнутся открытые военные действия. Нужны деньги, а достать их нелегко, особенно теперь, когда палата общин приняла закон о налоге на десятую овцу и десятый сноп. К тому же страну совсем разорила черная смерть, пахотные земли превращаются в пастбища для овец, земледельцы смеются над всеми указами и не желают работать за четыре пенса в день. Словом, страна разваливается, надвигается хаос. А тут еще шотландцы начали подавать голос с приграничных земель, без конца идут смуты в Ирландии, которую так и не удастся окончательно покорить, а союзники во Фландрии и Брабанте требуют полной выплаты обещанных им субсидий. Всего этого было вполне достаточно, чтобы даже победоносный монарх вынужден был целиком погрузиться в заботы о злоте дня.

Однако сейчас Эдуард выбросил все это из головы и почувствовал себя беззаботным, как ребенок в праздник. Он больше не думал ни о докучных флорентийских банкирах, ни о стеснительных условиях, которые те навязали ему в Вестминстере. Он вырвался на волю, с ним его соколы, и теперь он будет думать только об одном. Слуги его раздвигали палками вереск и кустарники и громко кричали, когда им удавалось поднять птицу.

– Сорока, сорока! – закричал вдруг один из сокольников.

– Ну нет, она недостойна твоих когтей, мое кареглазое сокровище, – сказал король, взглянув вверх на большого сокола, который, взмахивая крыльями, летал из стороны в сторону над его головой в ожидании сигнального свиста.

– Сокольники, челигов²⁹! Напускайте челигов! Скорее, скорее! Ах, негодница, удирает в лес! Вот она уже и там! Отлично, храбрая странница. Поставила-таки на своем. Ну-ка выгони ее на своего товарища! Помогите ему! Загонщики, бейте по кустам! Вон она прорывается! Прорвалась! Ну что ж, летите обратно. Не видать вам больше дамы сороки.

²⁸ Эно – одна из провинций Фландрии (ныне Бельгия).

²⁹ Название «сокол» в соколиной охоте в узком значении слова означало только самку большого сокола, самцы назывались «челигами соколиными» или просто челигами. Сокол, сидящий на руке короля и других важных персон, – всегда самка. В широком значении слова «сокол» – это любая ловчая птица.

Сорока, с присущей ее племени сообразительностью, и в самом деле укрылась в мелком кустарнике, а потом перелетела к деревьям погуще, так что ни ястреб под их пологом, ни сокол сверху, ни шумные загонщики ничего не могли ей сделать. Король посмеялся неудаче и отправился дальше. Из кустов то и дело поднимались разные птицы, и на каждую напускали соответствующего охотника: на бекаса – сокола, на куропатку – ястреба, а на жаворонка – маленького кобчика. Но королю быстро надоела эта несерьезная охота, и он не спеша продолжал путь, а его прекрасный спутник летел у него над головой.

– Ну разве не чудная птица, милый сын? – обратился он к принцу, взглянув вверх, когда по его лицу мелькнула тень сокола.

– О да, ваше величество. Самая красивая из всех, что привозили с северных островов.

– Пожалуй. Но у меня как-то был берберийский сокол. Ставки у него были не хуже, а лет быстрее. С восточными птицами вообще никакие не сравнятся.

– У меня как-то был сокол из Святой земли, – сказал Мэнни. – Так он был такой же злой, остроглазый и быстрый, как сами сарацины. Говорят, в свое время у Саладина были самые лучшие в мире породы птиц, гончих и лошадей.

– Я думаю, дорогой отец, еще придет день, когда все они станут нашими, – ответил Принц, глядя на отца восторженным взглядом. – Неужели Святая земля навсегда останется в руках жестоких безбожников и они будут осквернять святой храм своим присутствием? Мой возлюбленный и милостивый повелитель, дайте мне тысячу копий и десять тысяч лучников, каких я вел под Креси, и клянусь Богом, через год я отвоюю вам королевство Иерусалимское.

Король рассмеялся и обернулся к Уолтеру Мэнни.

– Мальчики всегда мальчики.

– Французы не считают меня мальчиком, – вспыхнул Принц.

– Ну-ну, милый сын!.. Никто не ставит тебя выше, чем твой отец. Но у тебя живой ум и пылкое воображение, поэтому тебе трудно доводить до конца еще не завершенное дело, а хочется поскорее взяться за другое, до которого еще далеко. Ну скажи, пожалуйста, как нам проходить через Бретань и Нормандию, когда мой юный паладин со своими копейщиками и лучниками будет осаждать Аскалон или брать Иерусалим?

– Бог помог бы делу, угодному небесам.

– Из всего, что я знаю о прошлых войнах на Востоке, – сухо ответил король, – небо еще ни разу не было нам хорошим союзником. При всем моем почтении к церкви, я все же должен сказать, что даже самые ничтожные земные силы помогали Ричарду Львиное Сердце или Людовику Французскому гораздо больше, чем все небесное воинство. А что скажете вы, милорд епископ?

Полный епископ, который трусил позади на тяжелом гнедом жеребце, вполне соответствовавшем его весу и достоинству, рысью подъехал к королю.

– Что вы сказали, ваше величество? Я засмотрелся, как ястреб бьет куропатку, и не слышал ваших слов.

– Клянусь, скажи я, что отдаю Чичестерской епархии еще два поместья, вы бы отлично меня расслышали.

– Ну что ж, ваше величество, попробуйте, скажите для проверки, – нашелся епископ.

– Отлично отпарировано, ваше преосвященство, – расхохотался король. – Клянусь распятием, эту схватку вы не проиграли. А говорили мы вот о чем: отчего так получалось, что, хотя крестовые походы велись во славу Божию, Бог так мало помогал нам в боях? Несмотря на все наши усилия и потери, а потери наши неисчислимы, нас в конце концов изгнали из страны, и даже военные ордена, что были созданы ради одной только цели – воевать с сарацинами, – еле-еле удерживаются на островах Греческого моря. Ни над одним портом, ни над одной крепостью Палестины уже не увидишь знамени с крестом! Куда же смотрел наш союзник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.